

НАДЕЖДА МАМАЕВА

Дракон!
И-гда-же-ты!

Надежда Мамаева
Дракон! И-гад-же-ты!
Серия «Ведьме? За-
мужество?!», книга 3

*<https://litres.ru/73491788>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Проще уйти разом от всей тайной службы и закона, чем от одного дракона. Особенно если ему от меня, скромной чародейки, кое-что нужно. И ладно бы убить, прикопать, на худой конец поймать и арестовать. Так нет! Заставить работать! Бесплатно! И плевать этот крылатый хотел огнем все мои категорические нет.

Но ничего! Я тоже и отжигать, и жечь умею. Причем не только все вокруг, но и мозги. А что вы хотели от пси-мага?!

Только вот мне очень уж огнеупорный гад достался. А еще расчетливый, надменный и циничный. Такого ни ментальные, ни женские чары не берут. Или все же

Вот только у этого драконюги есть свои тайны. И странные артефакты. И вообще, гад-же-ты...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	38
ГЛАВА 4	56
ГЛАВА 5	71
ГЛАВА 6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Надежда Мамаева

Дракон! И-гад-же-ты!

ГЛАВА 1

Страсти в семье Макклейнов всегда бушевали неистово и жарко – так, что и обжечься можно. Огненные маги и не могли по-другому. Хотя, стоит признать, честно старались каждый раз... Но увы!

Вот и неделю назад, когда младшая кузина захотела сходить на шоу, то поначалу она попыталась быть правильной и честной: заискивающе спросила разрешение у родителей. Но те отказали, и мелкая закатила свой собственный концерт, виртуозно играя на нервах. Только ее мать оказалась скалой. Отец, сумевший выжить среди трех дочерей, племянницы и тещи – и вовсе кремнем. Так что на провокацию Мии не поддались. И на ее обманчиво-кроткий поначалу тон и заверения, что пойдет с подругой, – тем более. Ибо одна юная чародейка на танцполе – это всего лишь беда. А две сорви-головы – уже катастрофа.

Но я, чувствуя, что эта рыжая суета не с разрешения, так по своей воле рванет на это сомнительное мероприятие даже через окно (и никакие заклинания ее дома не удержат!), стоически вызвалась сопроводить двоюродную сестренку. А

все потому, что любила шептунную кухню. Как я это определила? Просто обнять и помочь ей мне хотелось куда чаще, чем убить эту плутовку. Но не сегодня, когда мы все же отправились туда, куда так рвалась Мия. И вот...

– Джи! Что ты такая серьезная?! – радостно воскликнула кухня, едва не повизгивая от переполнявшего ее воодушевления.

В ответ я на секунду широко улыбнулась. В лучших традициях кобры. Мия оценила.

– Знаешь, лучше все же будь серьезной. Но чуточку поменьше. А то я чувствую себя как под надзором, – бесхитростно отозвалась малая.

Хотя именно этот самый пригляд за ней и был.

Я на это лишь покачала головой. Да, нередко мне приходят умные мысли, только поступаю по-глупому я, еще чаще. И сейчас как раз был тот самый случай из разряда «чаще»...

Толпа вокруг нас неистовала в экстазе. Я тоже. Но от злости.

Всегда, сколько себя помню, ненавидела скопления людей, а с ними – и их эмоций. Нет, конечно, мне встречались и абсолютно бесчувственные. Но это в основном трупы. У живых же, даже если те – самые твердолобые «дубы», в кроне порой «шелестело». Причем громко. И как я ни закрывалась экранами, все равно в сознании сквозило чужими чувствами. Благо – не мыслями. Иначе бы я и вовсе сошла с ума.

Вот и сейчас рев восторженных зрителей, их азарт бук-

важно долбили меня изнутри черепной коробки. Но я улыбалась, как всегда стараясь не показывать своих истинных эмоций, и держала Мию за руку. Потому как было стойкое ощущение: если я ее отпущу, она как минимум выпрыгнет из джинсов и толстовки, а то и вовсе улетит под высокий потолок ангара. Так мелкая азартно прыгала.

Мелкая (хотя какая она мелкая? выше меня уже вымахала!) радостно прыгала в предвкушении начала. А когда все же стояла на месте – тянула шею изо всех сил, привставая на цыпочки.

Вот только выглядывала она вовсе не артиста, который мог бы выйти на сцену. А все потому, что последней здесь и в помине не было! Зато имелась яма. Большая. Бойцовская. В ней сейчас бесновалась явно выловленная в темных городских переулках тварь с изнанки.

Эти бестии уже несколько сотен лет были бичом столицы: просачивались через разрывы полотна мироздания, которые образовывались в местах скопления магии. А где той может быть больше всего? Правильно – в огромном мегаполисе! Здесь оказывали услуги простым гражданам одаренные, имевшие лицензию на колдовство. Здесь жили и вели свой бизнес могущественные рода чародеев. Здесь вели политические игры великие дома драконов.

Так что – да, воздух над Морвисом с его небоскребами порой искрил от волшебства. И эти самые искры и прожигали проходы, через которые просачивались демонические сущ-

ности. И одна из таких гадин, с чешуйчатым телом, короткими лапами и пастью, полной черных клыков, ревела внизу, на арене.

Только малой не было до бестии никакого дела. Кузина выглядывала того, кто должен был биться с тварью. И ладно бы Мия просто искала своего кумира взглядом. Нет, она еще и все уши мне об этом бойце прожужжала!

Правда, начала она вещать о нем, когда мы уже пришли, и я оказалась поставлена перед фактом, ямой и невозможностью дать задний ход, потому как мы оказались в первых рядах и со спины напирали. Спереди, правда, вообще били. Но только софиты. Зато прямо в лицо.

Это маготехники настраивали освещение, чтобы и зрителям во всех подробностях зрелище показать, и чешуйчатую гадину разозлить посильнее.

– Хорошо, Мия, я уже поняла, у нас замена концерта на бои. Но почему ты не могла мне об этом сказать раньше?

«Хотя я что-то такое и предполагала, судя по тому, как ты фонтанировала эмоциями всю предыдущую неделю», – этого, кузине, конечно, не сказала, но сварливо и очень выразительно по этому поводу промолчала, засунув руки в карманы кожаной куртки.

Мия фыркнула:

– Как будто ты бы тогда согласилась пойти со мной.

«Именно поэтому я и отправилась сюда, подозревая подобное», – захотелось ответить предельно честно. Но я сдер-

жалась. Впрочем, как обычно.

Мия же, не подозревая о нашем с ней полумысленном диалоге, продолжила:

– К тому же, когда я еще смогу вырваться из кадетского корпуса? Нас отпускают домой только на осенние каникулы. Это тебе везет: учишься в обычном университете и после занятий – иди куда хочешь. А я могу только в общежитие. Или библиотеку. Или еще куда-то, но только не за ворота, в город! Это несправедливо!

– Зато безопасно, – заметила я. – Для окружающих, не владеющих даром, – так точно.

На эти слова Мия запыхтела рассерженным ежиком в лучших подростковых традициях.

Хотя я сказала истинную правду, поскольку юные маги с большим потенциалом, только-только начинающие входить в силу, опасны. Как для обычных людей, так и для себя. Потому у преподавателей есть резон не выпускать даровитых из корпуса. Порой – до самого поступления в академию. И иногда (хоть и редко) и первые пару курсов в последней.

У малой сила обещала быть внушительной, дурь – еще больше, так что...

– Тебе, Джи, не понять! – запальчиво выдохнула Мия, повернувшись ко мне и кое-как оторвав взгляд от арены. – Я два месяца мечтала увидеть Серую Молнию на арене! Он такой... такой... такой...

– Чернявый мордovorот? – уточнила я, глядя на то, как

рядом с решеткой, что отделяла яму от одного из примыкавших к ней подземных коридоров, встал какой-то маг.

О том, что это не просто человек, говорили светившиеся руны-ограничители, змеившиеся по мужским предплечьям. Похоже, у кого-то наружу вот-вот вырвется зверь.

– Откуда ты знаешь? – меж тем встрепенулась Мия и тут же бросилась на защиту своего кумира. – И вовсе он никакой не мордоворот. Он brutальный!

Я решила начать с ответа на вопрос и указала взглядом на решетку, за которой и стоял предмет кузининых обожаний.

– Да вон твой обожаемый маг... Который как темный шоколад.

– Такой же жгучий брюнет? – с подозрением уточнила Мия, пытаясь разом посмотреть на меня и в указанном направлении, отчего я опасалась, что кухня окосеет.

– Нет, потому что он для тебя вдвойне притягательнее, если ночью и нельзя, – ответила, не удержавшись от иронии.

От этих слов малая вспыхнула. Естественно. Ее рыжая макушка задымилась, и пара кучерявых завитков даже плюнула язычками пламени.

– У тебя подгорает, – заметила я.

– Ты догадливая, – саркастически заметила Мия, все же решив: арена подождет, а вот ответ одной язве-кузине с розовыми волосами – никак нет. – Меня бесит, когда ты говоришь о Серой Молнии таким тоном. Да он легенда! Знаешь, у меня ушли все мои деньги, чтобы достать для нас сю-

да пропуск и...

Пришлось перебить разошедшуюся кухню:

– Нет, я не про то, что ты злишься, я про дар. Он у тебя опять вышел из-под контроля... – пояснила этой вспыльчивой особе.

Та ойкнула и на пару мгновений отвлеклась даже от своего кумира, пытаясь обуздать собственную магию. А тем временем зычный голос ведущего, усиленный артефактом, объявил о начале боя.

Решетка поднялась. Мия охнула, уже сама вцепилась в мою руку и замерла в ожидании. Как и вся толпа зрителей. И тут же на арену выскочил серый, как клоч тумана, медведь немалых таких размеров. А следом за ним – и сам хозяин.

А магический зверь у этого Молнии впечатлял...

У каждого чародея в этом мире было свое магическое животное – фам – этакое материальное воплощение силы. Его защитник, когда атакующие арканы против оказались бесполезны. А на тварей изнанки обычные боевые чары как раз и не действовали...

По шкуре вышедшего серого зверя проскакивали разряды молний... Хм, а этот кумир Мии, похоже, из воздушников...

Не успела я об этом подумать, как медведь встал на задние лапы, зарычал, а потом, упав на передние, пошел тараном...

Красиво, зрелищно и – как там говорила малая? – брутально. Во!

Только твари, которую разозлили до предела свет софи-

тов, гомон зрителей, было плевать на эффективность, демонстративную мужественность и прочие финтифлюшки показного боя без правил. Чешуйчатая гадина взревела, ощерилась своими черными клыками и резко ударила хвостом, который держала до этого под пузом.

Длинный, тонкий, лысый, с шипами на конце, он взвился в воздух, точно плеть, и ударил медведя. Хотя нет, ударил – слишком мягкое слово.

Серого шибануло по боку, будто балкой, и протащило по всей арене, впечатав в стену ямы. Да так, что по каменной кладке пошли трещины.

Серый фам проревел. Уже не грозно, а болезненно.

Скала, стоявший в яме на песке, рядом с выходом, пошатнулся, словно это только что ему самому сломали ребра. Маг мотнул чернявой башкой. Похоже, ему нужна была как минимум пара секунд, чтобы отдышаться.

А вот твари хватило и одной, чтобы снова атаковать. Она напала на серого медведя, впившись в его холку черными клыками.

Фам повалился на спину, пытаясь подмять ее под собой, но...

Страх. Азарт. Испуг. Алчность. Ярость. Гнев.

Меня накрывало чужими эмоциями, точно огромными волнами в этом бушующем людском море. Такого развития поединка не ожидал никто.

Мия, как и сотни людей в зале, кажется, не видела ничего

вокруг, кроме того, что происходило сейчас в яме.

Кузина до боли стиснула мою руку и только шептала побелевшими губами:

– Нет-нет-нет... Что это за гадина такая огромная?..

Тварь и правда впечатляла. Не знаю уж, в каких темных тоннелях подземки ее отловили, но про таких мне даже слышать не доводилось. Когда она была в яме одна, то казалась как-то меньше, что ли. А сейчас, атакуя грозowego медведя, словно увеличилась едва ли не в два раза.

Серый же зверь истекал кровью, уже не нападая, а лишь защищаясь из последних сил, но, пока он не упал. Распорядитель же боев меж тем проорал на всю арену:

– Поражение Серой Молнии!

Лишь после этого решетка поднялась и в чешуйчатую гадину полетел град крюков и багров – это бестию пытались сдержать, чтобы она не рванула следом за магом и его зверем. И если брюнета утащили на носилках, то его медведя – арканами. Серый хрипел, и, судя по тому, что я ощущала, вполне вероятно, что Молния сегодня мог лишиться дара... И хорошо, если только его, а не собственной жизни.

Зрители же разочарованно ревели.

Я через пси-кокон почувствовала волну раздражения от соседа слева. А по тому, как он буркнул: «Зря только сотку ставил! Лучше б этот слюняй сдох вовсе», – стало понятно: мужик проигрался и жаждет мести. При этом еще и не желает признавать – сам дурак. Деньги из его кармана никто

не вынимал. Он поставил их добровольно. Но всегда легче винить других...

Но чернявый маг покинул яму. А вот тварь, пара багров на песке и разочарование зрителей остались. Тогда-то над трибунами и пролетело:

– Бойцовой яме нужна свежая кровь!!! Кто готов бросить вызов этой твари? Ставка – два миллиона!

Ряды возбужденно вскинулись. Нет, не в желании получить немалые, да что там, откровенно большие деньги, а в жажде нового зрелища! Но самоубийц не находилось...

Не успела я додумать эту мысль, как в яму прыгнул кто-то.

Я увидела лишь светлую макушку, белую футболку, обтянувшую не очень-то и широкую по сравнению с чернявым спину, джинсы, кроссовки и... В следующую секунду тварь взревела. И кинулась на психа, рискнувшего сигануть к ней.

Только этот маг оказался шустрым. Очень. А потому живучим.

Каплей ртути он ушел в сторону, кувыркнулся через голову на песке, в то время как чешуйчатая гадина боднула башкой каменную кладку, а в следующий миг этот псих схватил один из валявшихся на арене багров. А дальше...

На ристалищах эпохи темных времен и рыцарей с их турнирами мне бывать еще не доводилось, но то, что происходило в яме, очень даже напоминало что-то подобное. Только платиновый блондин был без доспехов, коня и меча. Зато

с копьём. Вернее, с багром! К слову, атаковал он им тварь весьма умело. Отчего та лишь скалила свои черные клыки, с которых капала ядовитая слюна, но нападать остерегалась.

Ее хвост-плеть со смертоносными иглами бил по арене, взметая песок. И я не успела понять, в какой момент этот живой хлыст взметнулся в воздух, чтобы ударить психа. Доля мига – и шипы врезались ровно в то место, где еще вот только что стоял самоубийца-недоруцарь. А он в эту же секунду успел отскочить, ударить чешуйчатую гадину в бок и снова переместиться.

Это выглядело, словно маг в яме танцевал с собственной тенью, каждый раз на долю мгновения опережая ее.

Толпа замерла. Затаила дыхание в едином порыве, и в воцарившейся на арене тишине, которую нарушали лишь рык твари и шелест песка, отчетливо раздался голос из луженой глотки, которой не нужен артефакт усиления звука.

– Валим! Облава!

Кажется, если бы сработало разрывное проклятие, эффект бы был куда меньше.

Людское море вокруг вспенилось, забурило, запаниковало, хлынуло ко входам, желая уйти от законников. Кто-то толкнул Мию, что она едва не упала. И наверняка свалилась бы, не удержи я ее.

Мне, правда, это едва не стоило вывихнутого плеча, но плевать! Это была малая плата за то, что кухня осталась на ногах. Окажись она на полу – и легко могла бы получить про-

битое легкое каким-нибудь острым каблуком или удар в висок.

Так что, прижав трясущуюся, как осиновый лист, малую к себе, заработала локтями и... даром... Даром, что я была пси-магом, отталкивать я умела ничуть не хуже боевика.

Миг – и вокруг нас разлился на несколько футов шлейф страха. Животного. Дикого. Неконтролируемого. Он ударил теснившихся к выходу зрителей так, что те невольно отпрянули от нас, словно от клубка взбесившихся кобр.

Это мне и было нужно. Я ринулась к неприметному выходу. Тому самому, в который вышел пару секунд назад распорядитель боев в своем ярко-красном пиджаке. Этот мужик наверняка знал пути отхода, в отличие от большинства зевак, так что...

Правда, добраться до заветной двери удалось лишь чудом. И тут выяснилось, что она заперта. Но Мия, уже пришедшая в себя, вспомнила, что она все же маг, а значит, и набор «отмычек» у нее с собой. А то, что от них замки вырывает вместе с петлями из косяков... Так на то это и боевые заклинания. Одним из таких кузина и ударила по створке. Та брызнула щепой. А миг спустя – и мы полетели. Правда, не во все стороны, а в одну конкретную. Да и прямой темный коридор в принципе и не давал особых альтернатив...

Ботинки бешено стучали по полу. Сердце – в груди. Мысль, что стоило все же оглушить малую, привязать ее к кровати и оставить дома – молотила изнутри по башке. И

все эти удары были, демоны подери, в унисон! Этакое соло, как на барабанной установке. В лучших традициях столичных оркестров. За духовые отвечало мое сипевшее горло. За струнные – натянутые до предела нервы. Прямо не погоня, а увертюра. Главное, по итогу оной не сыграть в ящик...

Впрочем, пока домовина нам с Мией, кажется, не светила. А вот спуск в какие-то полуподвалы – вполне. Лестница вниз. Еще один коридор. Затем подъем выше. И наконец – прямой как стрела выход.

Коробка дверного проема показалась таким светом в конце тоннеля, на который мы и устремились, чтобы совсем скоро буквально вывалиться под отблески тусклого фонаря, разбавлявшего ночные тени.

Я закрутила головой, пытаюсь сориентироваться, и отпустила руку кузины. Кажется, мы выбежали даже не на задний двор ангара, а куда-то дальше, потому как крики законников, окруживших здание, звучали позади. Жаль, что очень уж близко.

Узкая улочка, освещенная тем самым единственным фонарем, пара припаркованных машин... Ан нет, уже одна! Вторая вдруг взвизгнула шинами по асфальту и сорвалась с места, окатив нас брызгами из лужи. Похоже, это удирал тот самый распорядитель...

Ну не сволочь ли! Зачем так громко-то уносить ноги и покрышки? Как будто другим линять не нужно! И точно, едва кар умчался, как позади послышался топот.

Сюда явно бежали законники.

– Мия, давай в тот переулок! – крикнула я и, не глядя, протянула руку, чтобы схватить воздух.

Обернулась, чтобы увидеть: место, где только что стояла кухня, пусто! Вот почему стоит отвлечься: либо мелкой нет, либо она по уши в неприятностях?!

На этот раз в дважды противозаконных. Мало кухне было нелегальных боев. Теперь еще и угон со взломом. Или взлом с угоном... В том, как правильно называть эту противозаконность, я не определилась. Зато четко поняла: мелкая решила повторить на бис свой успех с дверью и вынести заклиниванием боковое стекло у оставшегося припаркованного авто. Правда, когда я окликнула эту ненормальную, рука ее дрогнула, и в последний миг чары врезались не в переднее, а заднее окно.

– Мия, какого тлена?! – выругалась я.

– А как нам еще скрыться? – развела руки в стороны малая.

– Ножками! – рявкнула я, но тут ощутила приближение и, прикинув, что до подворотни мы уже пробежать не успеваем, скомандовала: – Лезь в машину.

Мия, схватившись за крышу кара, подпрыгнула и ввинтилась в абсолютно чистое от осколков (как будто стекло не вынесли магией, а просто опустили) окно, в мгновение ока оказавшись на заднем сидении. Я миг спустя буквально рыбкой запрыгнула следом за Мией, и мы обе скатились на пол.

Замерли. Даже не дышали, приготовившись, что мимо нас сейчас пролетят законники и... Они действительно пролетели. Но за секунду до этого в машину запрыгнул ее хозяин и дал по газам. Так что да... стражи промелькнули мимо нас, мы – мимо них, а потом – они побежали за нами... А после и поехали. Судя по звукам сирен, в погоню сорвалось аж целых два кара.

Только куда патрульным машинам до мощных элементарей, что взревели под капотом нашего мабиля.

Все это время мы с кузиной лежали на полу, меж задним и передним сиденьями. И я, призвав дар, пыталась прощупать эмоции водителя. Вот только наталкивалась словно на стену. Будто передо мной был не человек вовсе, а поднятый неупоконик.

Не веря собственным ощущениям, я чуть приподнялась, чтобы в свете лунных фонарей увидеть светлую коротко стриженную макушку. Кажется, похожую я лицезрела совсем недавно в яме.

«Да ладно!...» – пришла мысль. А следом за ней и еще одна: «Кажется, мы не ушли от неприятностей, а вляпались в еще большие, потому что тип, сумевший не только уйти от облавы, но и шустро расправиться с тварью (а иначе бы он в машине не оказался), был явно опасен. А у меня, чтобы потягаться с ним, ни черных клыков, ни даже шипастого хвоста, как у той зверушки на арене, не было!»

ГЛАВА 2

Никогда, до этого мига, и подумать не могла, что буду рядом с симпатичным парнем жалеть, о том, что я всего лишь хрупкая девушка, а не опасная гадина с изнанки!

Правда, с моего ракурса была видна лишь часть лица психа. Да еще и снизу. Но тем не менее оценить типа я смогла.

Мой взгляд уперся в плечо. Широкое такое, крепкое. Подобных я у своих одноклассников с филмага не встречала. Футболка, облегающая тело, подчеркивала у того каждую мышцу – не буграми качка, пустившего корни в спортзале и привыкшего только к штангам, а плавными, уверенными линиями тренированного воина.

Свет ночных фонарей из бокового окна падал на светлые, почти снежные волосы, и те горели, точно в неоне. «Чистая платина, а не масть. И зачем мужику такая красота?!» – пронеслось в мозгу завистливо. Мне, вынужденно променявшей свои снежные локоны на розовый почти дюжину лет назад, было обидно вдвойне.

И тут водитель обернулся.

Время споткнулось. Я мысленно ругнулась. А машина, взвизгнув тормозами, встала как вкопанная.

Редко в моей жизни случались такие долгие мгновения. Когда кажется, что еще немного – и они имеют все шансы растянуться на целую жизнь. И это при условии, что из ва-

риантов, по какой причине ее прервать, будет выбрана старость, а не заряд из чарострела.

Невольно сглотнула, глядя на лицо психа.

Волевой подбородок, прямой, я бы даже сказала, породистый нос, темные, несмотря на светлую масть, брови вразлет, небольшой шрам, что перечеркивал одну из них.

Тонкая белая полоса, не длиннее фаланги пальца. Отчего-то враз представилось, как тип получил эту отметину на лице: уклонение, коготь твари, чиркнувший у виска, кровь, ответная атака...

А потом я совершила ошибку – посмотрела в глаза. В ночи они показались цвета северного моря, в котором нет надежды на милосердие. Только холод. Только обещание бури и гибели. В лучшем случае.

Кем бы ни был этот псих, он явно был хищником. По духу – так точно. И мы с сестренкой неосторожно вломились на его территорию.

От мужского взгляда, скользнувшего по мне, я почувствовала, что кожаная куртка ни демона не греет. Чтобы встречать такие взоры без простуды, нужен как минимум пуховик. И броня. Много брони, желательно замково-осадного типа со стенами толщиной в два человеческих роста. Вот тогда мне будет тепло и безопасно. Наверное.

Потому как было полное ощущение: меня видят насквозь. Прикидывают, за какой срок устранят... Оценивают уровень опасности.

Чувство оказалось не из приятных. Еще хуже, чем когда тебя наотмашь бьет волнами не самых приятных человеческих эмоций. А все потому, что оно было не чужим, а моим.

Мужские губы досадливо сжались в линию, взгляд психа спустился ниже, туда, где я всей Вирджинией Макклейн старалась закрыть свою шебутную кузину.

Но, кажется, все старания были напрасны. Углядел, гад! Хотя с рыжиной Мии только и прятаться в засаде...

А еще, кажется, псих заметил осколки стекла. И разозлился. Хотя и до этого не был в благодушном настроении. Я даже ощутила слабенькое, едва уловимое дуновение чужих эмоций. Ого! В неприступной ментальной крепости этого сумасшедшего появилась брешь!

Только это открытие не радовало. Настолько, что хотелось бы его побыстрее закрыть, как форточку, из которой сквозит неприятностями.

Потому как я не обольщалась тем, что это следствие моего дара, сумевшего пробить пси-барьер блондина. Скорее, просто он стал настолько зол...

– Кто вы такие и что здесь забыли? – процедил платиновый.

– Ф-ф-анатки... Пришли на бой посмотреть, – пискнула из-под меня мелкая, которая, кажется, тоже ощутила флер опасности, исходившей от психа, и им прониклась.

Мне же было сейчас слегка не до светской беседы. Я была занята слегка другим: проникновением. Волна злости оказа-

лась для меня сродни лазейке. Я, подцепив шлейф эмоций, вплела в них свой импульс, постаравшись, чтобы тот максимально слился с истинными чувствами платинового. А после пустила свою силу в противоток, подбираясь к барьеру, который до этого не могла пробить и... Есть!

Мне удалось проникнуть через заслон и ощутить дикую смесь противоречий. Ярость и настороженность, усталость и готовность к новой схватке. Боль и облегчение. Отстраненность и... искру интереса?

За последнюю-то я и зацепилась. Потянула ее выше, усиливая и превращая в расположение, а затем и в сочувствие...

Да-да-да, псих, мы просто забавные девицы. В меру интересные и без меры чокнутые. Дурехи, одним словом. Что с таких взять? Только понять, простить и отпустить... Главное не в воду с тазиком цемента на ногах.

Я старалась быть аккуратной при работе с пси-даром. Не навязывать психу совсем уж чуждые ему чувства. И на каждый свой посыл ощущала легкий отклик. Словно подсознание блондина и не особо сопротивлялось. Будто и платиновый был готов, как остынет, прийти к тому же. Только вот во время этого естественного пути как бы мы в новых неприятностях по уши не оказались...

Ведь погоня, от которой только-только оторвались, могла в любой момент возобновиться... И лучше бы нам при этом оказаться не в машине. В идеале – и вовсе дома у тети с дядей.

Так что я всего лишь ускорила прохождение стадий от отрицания до принятия через «да чтоб вы заразы такие...», уложившись в какую-то дюжину секунд.

За это время Мия успела испуганно икнуть. Платиновый – выдохнуть и как-то нехорошо прищуриться, а я – слить свой небольшой резерв едва не на треть. Все же крепкая была психика у этого упертого типа! Такую вместо осадного бревна можно использовать!

Но все было не зря.

Окинув нас взглядом, псих как-то устало выдохнул:

– Что, девочки, прокатились? А теперь вон!

После этих слов нас с малой буквально ветром вынесло из его машины.

Вот только не успели мы отбежать и десяток шагов, как Мия хлопнула себя по карманам и испуганно пискнула:

– Мой магфон! Он, кажется, из кармана выпал...

И, мало того, кузина рванула за своим артефактом. Правда, недалеко: я поймала ее за капюшон толстовки и, сурово рявкнув:

– Оставайся на месте, – направились к не успевшему отъехать кару.

Только вот едва я распахнула заднюю дверь со словами:

– Я на секундочку, кое-что забыли, – как была поймана за руку.

Псих, перегнувшись через спинку водительского сиденья так, что наполовину оказался на заднем ряду, схватил меня

за запястье. Да так крепко, что я в первый миг, инстинктивно дернувшись, не смогла дать задний ход и застряла в положении, когда нижняя половина тела снаружи машины, а верхняя – уже внутри.

Мы с психом невольно встретились взглядами. Снова. В свинцовой сини его глаз плескались азарт и удивление. А я, невольно, как бывало в моменты опасности, вновь обратилась к дару и послала мысленный приказ: «Отпусти». Вот только сделала это гораздо, гораздо грубее, чем прежде...

Каково же было мое удивление, когда псих, предвкушающе улыбнувшись, вдруг протянул:

– А я сначала решил было, что показалось...

Сердце пропустило удар. Как он догадался? Откуда?!

– О чем ты?.. – сипло выдохнула я и еще раз дернула запястье, которое словно тисками сжали.

– Ты сама знаешь, вернее, чувств...

Договорить псих не успел: он вдруг оборвал сам себя и дернулся за долю мига до того, как раздался глухой удар. Но Мия оказалась не столько шустрой, сколько, как истинная глупость, внезапна. Платиновый враз обмяк. А хватка на моей руке ослабла.

Я подняла взгляд выше и в выбитом окне увидела встревоженную малую.

– Он тебя домогался? – выдохнула обеспокоенно кузина.

«Если бы...» – мысленно ответила я. Ибо все было намного хуже: с чужим либидо мне было справиться куда проще,

чем с проницательностью... А мне, похоже, попался очень догадливый псих. Догадливый – от слова «гад». Как он только понял все? И главное – так быстро?

Впрочем, вслух ответила другое. То, чего малая от меня и ожидала:

– Не успел, но был близок.

– Уф! Значит я вовремя, – облегченно выдохнула Мия. – Я так и поняла, что дело швах, когда ты в машине застряла...

– Ты чем его так? – в свою очередь спросила я. – Заклинанием?

– Пф! У меня было время плести аркан?! – фыркнула мелкая и довольно добавила: – Магия – дура, булыжник – молодец.

С этими словами она выразительно подкинула последний в ладони.

М-да, вот так для одной девицы и камень может оказаться спасательным жилетом, если обрушится на чужую платиновую макушку как снег на голову... К слову, последняя обмякла, и на ней мне почудилось даже что-то бурое. Я приложила пальцы к сонной артерии психа. Жив, слава богам! Просто в отключке.

– В следующий раз постарайся быть не такой убойной! Я все же не целитель и тем более не некромант, – облегченно выдохнула я мелкой.

– Да ладно тебе, чего так дергаешься, – насупилась Мия. – Мы же с тобой слаженная команда! – и с этими словами еще

раз подкинула свою камешку. Да так, что та угодила в окно и приземлилась точнехонько на экран магофона, который я так и не успела поднять с пола.

«Бах!», – разнеслось в ночи.

– Угу. Слаженная! – крикнула я, глядя на разбитый дисплей. – Лажаем – так уж по полной.

С этими словами я взяла упавший в салон булыжник и разбитый вдребезги артефакт: если оставлять, то только убойное впечатление, а не улики!

С такими мыслями я и протянула остатки артефакта связи Мии. И тут выяснилось, что у некоторых юных чародеек от самоуверенности победительницы до полного фиаско один «дзиль». И тот – от удара булыжника о гаджет.

– Мой магофон! – возопила кузина и неверяще спросила: – Как я буду звонить Брайену?!

И столько трагедии было у малой, что я вновь потянулась к дару. Чтобы успокоить кузину, послала ей волну спокойствия, а после взяла за руку и повела прочь.

До дома тети с дядей осталось всего ничего: каких-то двадцать три квартала. Причем половину пути мы с Мией шли молча. О чем думает малая, я лишь догадывалась: судя по фонтану эмоций от сожаления до раскаяния, она терзалась. Самозабвенно так, как это может только девица, только-только отметившая шестнадцатилетие.

У меня же все было куда прозаичнее. Я пыталась найти ответ на вопрос: как я согласилась вообще на подобную аван-

тюру? Хотя, будь у меня возможность поступить иначе, я бы... Что? Выпытала с помощью дара, куда пойдет кузина, а потом отговорила ее?

Да, так было бы безопаснее. Но если Мию уберегать от всех опасностей, как она наберется опыта, повзрослеет? У нее из-за большого дара и так с этим маленькая проблема. Только последняя помножена на пубертат, когда есть только черное и белое.

Поэтому лучшее, что я могу – это дать кухне возможность самой ошибаться. Но при этом быть рядом. Чтобы, когда Мия вдруг упадет, она не разлетелась бы на осколки, а лишь набила шишек.

Такая поддержка малой была моим способом сказать «спасибо» и ей, и всей моей приемной семье. Не забирай меня двенадцать лет назад тетя Розалия к себе, еще не известно, как бы мне пришлось в доме отца...

Вспомнив о последнем, невольно поморщилась. Ромуса Макклейна я видела редко. Хотя хотела бы – еще реже. Он стоял во главе достаточно многочисленного магического рода. Последний был весьма могущественен, чтобы плести политические интриги в высших эшелонах власти, которой клану всегда было мало.

Зато надменности у этой династии имелось с избытком. Подозреваю, многие мои спесивые родственнички не говорили на равных даже сами с собой. Одним словом, это был образцовый серпентарий, в котором семья тетушки Розалии

и дяди Томариса оказалась едва ли не единственным исключением.

Тряхнула головой, пытаясь отогнать воспоминания, но куда там... Они лезли ко мне в голову безо всякого спроса и намека на деликатность. И тот день, когда я появилась на пороге отцовского особняка, вдруг встал перед глазами.

Меня, семилетнюю, тогда держал за руку поверенный. Крепко держал, то ли боясь, что я удеру, то ли страшись того, что вот-вот случится. Скандал. Как минимум.

Хотя с огненными магами им одним обычно не обходилось. Зачастую в комплекте к разгневанному пламенному шли урон телу, психике и репутации тех, кто имел неосторожность оказаться с ним рядом. А вероятность того, что лорд Макклейн станет гневаться, была высокой. Примерно сто из ста. Так что причины нервничать у нотариуса были. И еще какие.

Последней волей моей мамы было отправить меня к отцу. И нет, в том, что я росла без папы, никакой трагедии не было. Наоборот, я росла счастлива в маленьком мире нашей семьи, где мама меня окружила любовью и заботой. И никогда не скрывала правды: я рождена вне брака.

Так порой бывает, что люди влюбляются... Лорд Макклейн был женат на состоянии и связях, равных своим. Договорной брак, холодный расчет – все, как и подобает среди аристократов. Но Ромус встретил однажды красавицу Джу-дит и потерял голову. Они оба потеряли. А потом моя ма-

ма, узнав о том, что ее избранник несвободен, поступила ответственно, взвешенно, логично... если бы могла! Но в тот момент ее обуревали чувства и, подозреваю, что гормоны. В общем, как всякая нормальная женщина ее положения, она психанула. Качественно так. Собрала в чемодан вещи, в кулак – гордость, хлопнула дверью, не подозревая, что в створку оной ее дочери придется стучать.

Потому как после того, как мама подхватила красную лихорадку и в считанные недели сгорела в лечебнице, у меня, кроме отца, никого не осталось. А о нем я знала лишь по рассказам.

И в тот день они стали былью. Высокой, широкоплечей такой, с мрачным взглядом и волосами с проседью, былью.

Папочка, к слову, моему появлению не обрадовался. Ибо одно дело – любить прекрасную женщину, а другое – лицезреть странное тощее чадо с белой паклей волос. Но прогнать Ромус меня все же не прогнал и в приют не сдал. Как я после поняла – в память о той, кого когда-то любил. Но и принять не смог. Да и особо не захотел. А вот его супруга была очень даже меня не против приветить, приютить, накормить, а потом и спать уложить... В гроб. На веки вечные.

Лишь благодаря дару я избежала нескольких отравлений. За покушения же отвечали двое моих сводных братьев и сестричка, в которых магия только-только просыпалась, а дурь уже бодрствовала вовсю. И не знаю, чем бы все кончилось, не если бы не тетушка Розалия.

Она, какое-то время наблюдала за происходящим в доме главы рода, пыталась что-то поначалу говорить отцу. Только без толку. В какой-то момент не выдержала. Ее сердце дрогнуло. А я своим даром ощутила это и... не стала упускать такого шанса!

Через три года леди Розалия забрала-таки меня к себе, сказав, что где три егозы, там и четвертая.

Отец, кажется, услышав это, облегченно вздохнул и пообещал своей сестре выписывать чеки на содержание бастарда. Мачеха, избавившись от бельма на глазу в моем лице, отложила убийственные мысли и бутылек с отравой до лучших времен. А я переехала в дом младшей ветви Макклейнов.

Тот был ни разу не особняком. Тихий, скромный, в торговом квартале. Розалия и Томарис заменили мне родителей, а шепутная Мия с сестричками не дали заскучать.

За то, что они относились ко мне так по-доброму, я была им всем благодарна. И именно эта самая благодарность и заставила меня ввязаться в очередную авантюру кузины.

Последняя, к слову, шла рядом со мной сейчас по ночной улице и шмыгала носом, как-то зябко ежась.

– Эй, ты там, часом, не замерзла? – выдохнула я, приобнимая мелкую.

– На дне холодной пропасти своих разочарований? – уточнила Мия. – Еще как!

– Ну, могу тебя утешить тем, что скоро мы точно мерзнуть не будем. Скорее наоборот... – хмыкнула я и на удивленный

взгляд Мии пояснила: – Станет припекать, когда твоя мама взгреет нас, узнав, что мы не вернулись домой вовремя, – попыталась я перевести все в шутку, ибо почувствовала: мелкая на грани того, чтобы разреветься. И после послала в сторону кухни легкий ободряющий импульс.

А зачем еще нужен дар, который от всех скрываешь, если не ради того, чтобы поддержать тех, кто тебе дорог?

Мия передернула плечами и фыркнула:

– Ты знаешь толк в том, как приободрить, согреть добрым словом...

После этой фразы малая на миг замолчала, а потом, резко остановившись, повернулась ко мне и выдохнула:

– Джи, спасибо! Ты мне сегодня, считай, жизнь спасла...

– Ты бы и без меня отлично справилась, – возразила я, прижимая к себе эту рыжую суету, которая выросла уже с елку, а ума было с иголку. – Как найти и выход из ситуации, и как вход в нее...

– Ну чего ты начинаешь, – обиженно засопела малая. – Хорошо же все было... Я, может, хотела тебе душу излить, сомнениями поделиться: стоит ли идти в боевую академию после окончания кадетского корпуса. Мне ведь все вокруг твердят, что с таким уровнем дара туда самая и дорога. А я вот сегодня в толпе вдруг поняла: может, все ошибаются? Ну правда, какой из меня боевик, если я, когда давка началась, запаниковала?

– Знаешь, мне кажется, что даже самые отважные герои

порой боятся и трусят, – возразила я, и мы пошли по улице дальше.

– Откуда знаешь? Ты же не телепат, – авторитетно заявила мелкая. – Может, и не бояться нисколечко. У нас в корпусе вон даже кадеты-старшекурсники все как один выглядят бесстрашными.

На это заявление кузины я лишь вздохнула. Ну да, она по-своему была права: для всех я была магом, у которого всего лишь искра дара. Да что там говорить: даже мой фам – живое воплощение силы – маленький горноста́й. В то время как у остальных членов семьи Маккле́йн животные были выше человека ростом. У папочки – и вовсе грифон, полыхавший языками пламени. Такой не спалит, так заключает и сожрет.

Впрочем, Мия, как мне кажется, по силе со временем могла и переплюнуть моего отца: ее тигрица еще росла и уже была выше меня в полтора раза. Так что – да, я со своим маленьким горностаем, который мог уместиться на ладони, для рода была скорее человеком без дара, чем магом. Про последнее мне никогда не забывали напомнить мачеха и сводные братья с сестрой. Ну и иные члены рода, которых порой доводилось видеть на редких собраниях всего клана.

Я же на это не обижалась и была благодарна судьбе, что у меня есть хотя бы такой магозверь. Пусть маленький, зато огненный. Этакая память о маме, которая с рождения укрывала мой пси-дар своим водным. Да-да, так порой очень редко, но случалось: противоборствующие стихии не могли опре-

делиться, кому в ребенке взять верх, и рождалось дитя с совершенно иной силой, отличной от обоих родителей. Если бы я оказалась магом земли или воздуха – то беды бы не было, но ментальная сфера всегда была под надзором короны, а участи невольницы и чужой игрушки в руках сильных мира сего – такого мама мне не желала. Потому в лазарете она буквально требовала с меня клятву, что я пойду к отцу, а после – приложу все силы, чтобы он ввел меня в огненный род.

И хотя тому мачеха противилась, лорд Макклеин выполнил последнюю просьбу той, кого когда-то любил.

Тот день, когда отец рассек мне руку и, приложив к своей ладони, на которой была точно такая же рана, переплел наши пальцы и опустил их в чашу, стоявшую на родовом алтаре, я получила частицу огненной силы клана. Она растеклась по моим энергетическим каналам и спустя пару лет проявилась в магозвере. Но сначала – в волосах. Со дня вступления в род они навсегда превратились из инисто-белых в розовые!

Добавить к этому хрупкое телосложение и черты лица, доставшиеся от мамы, – и по итогу получился образ не девочки, а этакой хрупкой вазочки. Правда, с характером погребальной урны, но это уже детали.

– Ты на меня обиделась? – голос кузины выдернул меня из воспоминаний.

Та-а-ак, кажется, я молчала слишком долго и малая успела себе навоображать, что задела меня за живое, и теперь по

этому поводу переживала.

– Вовсе нет. Просто я раздумывала над тем, куда ты можешь податься, если не пойдешь в боевую академию...

– То есть ты настолько в меня не веришь уже сейчас? – с подозрением протянула Мия.

– Пф, вот не надо инсинуаций... – возразила я, в который раз убеждаясь в невероятной способности жеста доброй воли складываться в дулю. А я ведь поддержать малую хотела! И, пытаясь поправить положение, заявила: – Ты сильный маг, и я уверена: у тебя все получится!

– Это неправда! Ты говоришь так, только чтобы меня приободрить, – кузина впала в максимализм, которым порой страдала.

– Вовсе нет! Я говорю чистую правду. И вообще, это моя философия – быть честной. Ибо только так можно стать неуязвимой, – пафосно протянула я.

– Значит, из меня правда выйдет боевик? – прищурившись, уточнила Мия.

– Конечно, – не моргнув глазом, соврала я. Что ж... Философия – непростая штука.

Малая после этих слов воспрянула духом, и какое-то время мы шли по улице, перешучиваясь.

Фонари, горевшие вдоль мостовой, лишали ее тьму абсолютной власти, разливая в сыром воздухе теплое медвяное сияние. Оно не прожигало мрак, а лишь размазывало его по асфальту, по стенам бесконечных утесов-небоскребов, вер-

шины которых тонули в бархатной, беззвездной вышине.

Наши с Мией шаги отдавались глухим эхом, вбирая в себя и другие звуки – отдаленный гул одинокой машины, шепот где-то пролетевшего маголета. Ветер поздней осени, уже не свистящий, а ползущий по щекам холодными влажными пальцами, гнал по тротуарам последних посланцев осени: смятые бумажные стаканчики и почерневшие от городской грязи листья. Они шуршали, как сухие листы пергамента, цепляясь за подошвы ботинок.

Витрины, эти дневные роскошные миры, теперь спали, укрытые стальными решетками, и лишь кое-где сквозь щели просачивался одинокий свет дежурной лампы, похожий на прищуренный сонный глаз. В отражении темных стекол порой возникали наши с кузиной фигуры: ее, пухловатая, кутающаяся в толстовку, и моя, тощая и ссутуленная, а еще – улицы, уходящие в подсвеченную тусклыми фонарями даль.

Воздух был густым и колючим. Он пах остывшим асфальтом, далеким океаном и сладковатым дымом сожженных листьев, который доносился со стороны парка, что мы миновали. Наше с малой дыхание белесыми облачками вырывалось изо рта и тут же растворялось в этом городском мареве, не оставляя следа.

Говорили вроде бы о ерунде, но для меня это было важно, потому как Мия озвучивала ровно то, что чувствовала. И за эту искренность я готова была простить ей почти все. Даже то, что сегодня она втянула меня в сомнительную авантюру

с подпольными боями.

Как оказалось, она разочаровалась. И в Серой Молнии в частности, и в подпольных боях в целом.

– Ты знаешь, до сегодняшнего вечера я думала, что это круто – выйти один на один с опасной тварью изнанки, когда на тебя смотрят сотни взглядов... Да что там! Все мои одноклассницы так считали. А вот после того, как началась облава, я поняла: ни капельки это не круто! Одна показуха!

– Я рада, что ты это осознала, – невольно вырвалось у меня.

– Ты так говоришь, словно все знала с самого начала! – в ответ выпалила Мия. – Мне иногда кажется, что ты никакой не огневик, а пифия!

– Просто я старше...

– Всего на шесть лет!!! – тут же возразила малая. – А кажется, что между нами— пропасть.

– Предпочитаю слово «мудрость», – как бы невзначай заметила я.

– Раз ты такая мудрая, – тут же сварливо протянула Мия, – поделись, какие у тебя были варианты?

Я не сразу сообразила, что это она про мою фразу о том, куда можно податься кроме боевиков. Но, сделав умное лицо, я начала перечислять:

– Ну, ты можешь стать вулканологом, стеклодувом, огнеборцем, шеф-поваром, у которого не будет проблем с подгоранием блюд, создателем фейерверков...

– Ладно-ладно-ладно... – перебивая меня, примирительно протянула кузина. – Я поняла, что не безнадежна. – Но если что, тушить пожары я предпочла бы без людей...

– Ну, есть лесные возгорания, – нашлась я и хотела еще что-то добавить, но тут насторожилась, потому как из подворотни, мимо которой мы как раз проходили, раздались звуки, не предвещавшие ничего хорошего...

ГЛАВА 3

Проход под низенькой аркой в стене старого, явно построенного пару веков назад дома напоминал очень тонированную машину... Настолько «очень», что она поглощает свет почище черной дыры. И вот из этой тьмы послышался повторный глухой рык.

Воздух враз стал густым, липким, и в горле запершило от омерзительного запаха: смеси серы, влажного камня и гниющей плоти.

«Да вашу ж меня! Тварь изнанки!» – по ощущениям, эта мысль упала камнем прямо из черепной коробки куда-то в желудок, и в том враз стало тяжело и холодно. Я ощутила, как бросило в холодный пот. Глаза сами собой расширились, пытаюсь выхватить из мрака подворотни хоть что-то: тень, движение, отблеск...

Кажется, через этот проход можно было выйти на улицу удовольствий. Но сегодня, похоже, путь к разврату был закрыт. Да и не очень-то туда и хотелось, если честно... Скорее наоборот, нам этим вечером веселья мы уже хватили столько – лишь бы унести... И даже не его. А ноги. Куда подальше отсюда.

Уже собиралась прошипеть об этом кузине, но не успела. Из мрака, словно капля черной смолы, выползла тварь. Небольшая, размером с дворовую собаку, но от этого не ме-

нее отвратительная. Ее чешуйчатая шкура отливала блеском стоячей воды, а на спине торчали редкие костяные шипы.

М-да... Сегодня явно не мой день. Вернее, уже ночь.

Но настоящий триндец подкрался с той стороны, откуда я и не ожидала: от моей боевой кухни.

Нет, я всегда подозревала, что смелая дева в беде – это то еще испытание. Но всегда полагала, что для самоуважения доблестных рыцарей, пытавшихся эту невинную ромашку спасти. В крайнем случае – для злодеев, на оную леди напавших. Но не для меня же, просто стоявшей с этой бесстрашной рядом!

– Джи, беги! – самоотверженно пискнула Мия.

Я ощутила от нее колебания, словно малая определялась. А в следующую секунду девичья рука дернулась сама собой. Я даже не успела крикнуть «стой!», как воздух перед мелкой сгустился, раскалился докрасна огненный шар, стремительно ширясь и ярясь пламенем, и понесся во тьму.

Аркин врезался в низкую арку над подворотней, из которой начала выползать тварь.

Грохот ударил по ушам, отблеск адского пожара осветил всю улицу, на миг превратив ночь в день. Заклинание, мощное и явно убойное, впечаталось в каменную кладку над гадиной. Последняя, ослепленная вспышкой, на миг замерла. Видимо, такого теплого и яркого приема зверюга не ожидала...

В тот же миг свод над чешуйчатой обрушился, придавив

зверюгу обломками. Вот только если перекрытие этажа, нависавшего над подворотней, выдержало, то внешняя стена дома – нет. По кладке фасада пошли трещины. Да так, что разлом зазмеился меж кирпичами до самой крыши.

– Запечатая трещину! – выкрикнула я.

Мой резерв был наполовину пуст, но для небольшого заклинивания должно было хватить, так что я создала аркан. Только прежде, чем он сорвался с кончиков моих пальцев, кухня коснулась моего запястья со словами:

– У тебя плетение вернее будет, – и ощутила как по каналам потекла чужая сила: кухня тоже поддерживала меня, по-своему, как могла.

Матрица тут же начала шириться, разрастаться, чтобы спустя семь ударов сердца превратиться во внушительное заклинивание, которое и легло на трещину, закрепив ту.

Уф! Кажется, обошлось без жертв. И без финансовых потерь тоже, если мы успеем удрать до приезда законников.

Кажется, это осознала и кухня, потому мы, не сговариваясь, рванули по мостовой. Наш бег был чистая паника, подпитанная адреналином. Я все ждала подсознательно, не раздастся ли позади грохот. Но нет. Обвала не случилось. Когда мы с Мией стрелой пролетели квартал и оказались достаточно далеко, я смогла выдохнуть:

– Нет, все же ты не права.

– В чем? – удивленно отозвалась запыхавшаяся кухня.

– В том, что сомневаешься, – выдохнула я и добавила: –

Из тебя получится отличный боевой маг. Ты смогла выбрать верное решение и победила тварь.

– Угу. Только если бы призвала своего зверя, то не разрушила бы дом.

Что-то подсказывало мне: Мия опять готова была вот-вот с головой окунуться в пучину самобичевания. С малой часто такое бывало: пока цель маячила впереди, она перла к ней напролом, не оглядываясь. Но стоило всему случиться – и кузину начинали грызть сомнения, совесть. Причем почище, чем шелудивого пса – блохи.

– А ты смогла бы совладать со своей тигрицей? – протянула я, приподнимая бровь.

Фам у малой был под стать ее дару – внушительным. Только вот и сил контролировать такого требовалось немало. Потому кошечка Мии часто своевольничала. И, кто знает, как бы она повела себя сегодня? Вполне могла задрать хвост и попросту убежать, потеряй кузина концентрацию хоть на миг!

Вопрос повис в воздухе, и я ощутила флер сомнений, растекающийся от Мии. Поймала ее ладонь и, сжав ту, добавила: – Не переживай, ты все сделала правильно!

После этих слов малая приободрилась настолько, что вскинула голову, смело сделала шаг в темноту – поскольку фонари на этой улице не горели – и едва не расквасила нос, угодив кроссовкой в выбоину. Что ж, никогда еще судьба так быстро и наглядно не показывала, как легко можно осту-

питья в этой жизни, если возгордиться. И как больно будет падать...

– Пались оно все драконом! – выпрямляясь, выругалась мелкая, которую я едва удержала от близкого знакомства с асфальтом.

Фыркнув, Мия откинула рыжую прядь со лба и, подняв свободную руку, призвала магию. Последняя затанцевала на кончиках пальцев, освещая дорогу вместо разбитого фонаря.

– Лучше погаси, – посоветовала я.

– Зачем? Хорошо же светит...

– Угу. А еще нам светит ночь в отделении законников, если поймают, – напомнила я. – Так что не пались!

– Ладно, – согласилась Мия таким тоном, который порой страшнее угроз.

Только меня было этим не пронять. Я прекрасно чувствовала, что за этой напускной резкостью скрыто смятение. Впрочем, на этот раз со своими эмоциями мелкая справилась сама. Так что уже спустя пару минут мы шагали по ночному городу, болтая о том, что будет завтра, вернее, уже сегодня: ведь время перевалило за полночь... А это значило, что Мия вновь отправится в магокадесткий корпус до самого праздника Новогодья.

О вещах более близких, таких как разгневанная леди Розалия, перед грозными очами которой нам предстояло оказаться через час, мы с кузиной, не сговариваясь, не упоминали. Но даже если следовать народной мудрости: не говори

о беде, чтоб ее не накликать, – не факт, что удастся избежать проблем. Хоть от них и удирай во все лопатки, сверкая пятками.

К слову, последнее мы с малой в пути порой и практиковали, периодически переходя на бег. К счастью, больше никаких тварей изнанки нам не встретилось. Но страшнее их всех разом оказалась матушка Мии, поджидавшая нас в холле дома.

Стоило переступить порог, как на меня и мелкую обрушился весь гнев леди Макклейн. Она неистовствовала, призывая в свидетели то настенные хронисты, то сонно зевавшего мужа, то небеса, подарившие ей рыжий нервный срыв, по ошибке именуемый дочерью... Мне тоже досталось, как той, которая должна была отвечать за разумность и ответственность в нашем с Мией тандеме, а по итогу...

Тетушка страшала нас с мелкой ужасами ночного города, поруганной девичьей честью и своими потрепанными в ожидании нас непутевых нервами. В общем, делала все, чтобы мы возрадовались, когда были отпущены восвояси.

А мое утро началось с мысли: если смог уж сделать вдох – радость: ты еще не сдох! Все тело ломило. Каждую мышцу. Кажется, болел даже язык, хотя он в ночной авантюре почти не участвовал. Но побудный артефакт не знал пощады. Так что пришлось вставать и жить это утро.

Мия, спустившаяся к завтраку, выглядела воплощением усталости. Подозреваю, что и я не лучше, но я предпочла в

зеркало не смотреть. Зачем мне лишние потрясения?

За столом собралась вся семья. Это была традиция – начинать день вместе. Тем более что завтра утром одной рыжей особы уже тут не будет, а ужин мы из-за «концерта» вчера пропустили... Но сегодня-то все есть! И близняшки – младшие сестренки Мии – с лучившимися любопытством мордашками, и тетя Розалия, что успела сменить вчерашний гнев на заботу, и дядя Томарис, уже гладко выбритый и как всегда перед завтраком читавший новости.

Я же, сидевшая рядом с ним, скосила глаза на напечатанные на желтой бумаге строки. Благо на первую полосу попало заявление заместителя главы службы безопасности – лорда Стакса – о ликвидации самого серьезного за последние несколько лет прорыва изнанки, который как раз случился минувшей ночью недалеко от складов в районе старого причала. и лишь на второй полосе оказался магоснимок порушенного нами здания и статья о вандализме.

Не подозревая о том, кто является автором данной сенсации, дядя отложил новостной листок и как бы невзначай поинтересовался:

– Как хоть выступление-то прошло?!

Мия на его вопрос вскинулась, даже пропустив очередной зевок, и исчерпывающе выдохнула:

– Убойно!

Правда, при этом не уточнила, что убивали в основном мы и даже не время, а одну тварь в подворотне.

– Рад, моя искорка, что тебе понравилось, – меж тем добродушно протянул Томарис и потянулся к стопке блинов, красовавшейся по центру стола.

Я тоже решила занять если не мысли, то рот и потянулась к кофейнику. Его содержимое сегодня – моя альтернатива сну и секрет доброты. Ибо порой «все бесит» и «а жизнь все же хорошая штука» отделяет всего одна чашка горячего черного, как все смертные грехи разом, напитка с запахом надежды.

Я отхлебывала из чашки маленькими глотками, наблюдая, как шушукаются меж собой близняшки Тия и Рия, как украдкой вздыхает тетя, глядя на свою старшенькую, как дядя, вновь погружившийся в чтение, отринув столовые приборы, есть блины руками... вернее, уже не блины: вот его пальцы взяли лежавшую тканевую салфетку...

– Томи! – восклицание тети заставило мужа оторваться от статьи. – У тебя будет несварение!

Дядя очнулся, недоуменно посмотрел на супругу, красноречивый взгляд которой уперся в салфетку, проследил за ним и опомнился.

– Ой, что это я... – протянул смущенно Томарис.

– Что бы ты без меня делал! – фыркнула тетушка.

После этого вопроса дядя, как мне показалось, едва удержался от того, чтобы мечтательно не закатить глаза. А тетя сделала вид, что этого вовсе не заметила.

Я, глядя на это, не смогла удержаться от улыбки. Все же

брак этой парочки строился не по принципу «иди к алтарю с тем, с кем сможешь прожить жизнь», а по иному: «бери в супруги того, без кого и дня на этом свете пробыть не в силах». И как бы тетушка ни закатывала глаза, как бы ни ворчал дядя – они любили друг друга. И в этой любви вырастили и своих детей, и меня.

Так что в чем-то я везучая и... буду просто невероятной счастливицей, если сегодня еще и не опоздаю на занятия! Потому как, если хроносы не ввали (а они, увы, такой привычки не имели), то до первой лекции оставалось меньше часа.

Подхватившись, я, вставая, залпом допила чашку кофе, чмокнула близняшек, обняла Мию и, попрощавшись с дядей и тетей, выбежала из столовой, чтобы вихрем промчаться по лестнице, быстро вернуться в свою комнату, переодеться. Схватить сумку с учебниками и пульсаром из чарострела вылететь из дома, спеша на остановку магобуса, еще не догадываясь, сколько неприятностей мне припас только-только начавшийся день.

Утро, как нарочно, так и манило, нашептывало вовсе никуда не торопиться, а вдосталь надышаться им. Солнце, висевшее где-то между пиками высоток, еще не грело, а лишь слепило, отражаясь в окнах. Я бежала по улице, вдыхая влажный воздух, в котором перемешались запах мокрого асфальта, флер духов, опавшей листвы и чего-то паленого. Хотелось верить, что это где-то жгут пожухлую траву, а не ис-

крят мои пережженные со вчера нервы.

Вот только, увы, мчалась по своим делам в это утро не я одна. Кар на полном ходу выскочил из-за угла, взвизгнул по крышкам по мостовой и полоснул меня невыключенными фарами так, что на миг я ощутила себя мотыльком, который летит на свет. На тот свет. Лишь в последний момент успела отскочить и не попасть под колеса.

«Мать моя волшебница!» – выдохнула про себя, осознав, что отделалась только испугом, и пробормотала уже под нос:
– Джи, давай-ка притормози, а то тебя твои же шустрые ноги доведут до гроба, как иную ведьму язык до костра...

Приняла эту дельную мысль к сведению (и почему что-то умное в голову приходит всегда после глупых поступков, а не до!) и дальше спешила к остановке уже медленно и с оглядкой.

Город меж тем просыпался, и его ритм – гул магогенераторов, гомон голосов, клаксоны каров, летевших по мостовым, – был мне родным. Но сегодня этот ритм я должна была опередить. Магобус, огромный, блестящий, точно бронзовый жук, сверкал в утреннем солнце своим корпусом. Тот был испещрен светящимися рунами стабилизации. Уже подкатывая к остановке, набитый под завязку пассажирами вагончик издал шипящий звук опускаемых пневмо-амортизаторов.

Двери отъехали с тихим фырчанием. Я ввинтилась внутрь удрем, едва протиснувшись меж частоколом спин; уже пятый

год я вот так каждое утро добиралась до университета, как обычная горожанка.

Младшая ветвь клана Макклейнов, к которой относились тетя и дядя, жила куда скромнее, чем семья главы рода. Особняк отца напоминал дворец, в гараже – куча дорогих каров, а в доме – сотни слуг. Но я ни дня не пожалела, что эта роскошь осталась позади. Лучше так: тесниться в магобусе, стараться учиться на повышенную стипендию, потому как она вместе с подработкой в библиотеке – это весь мой доход, – чем яды мачехи. Ими я была сыта по горло!

Если бы не дар, которым ощущала предвкушение торжества от леди Макклейн каждый раз, когда мне приносили от нее очередное яство, то... Зато уже в восемь лет я отлично разбиралась в ядах и антидотах! Так что могла сварить и супчик, и отраву, и два в одном.

Меж тем наш магобус мчался, насколько это может сделать перегруженная машина, по утренним пробкам. Элементали под днищем ревели, люди внутри салона тихо стенали, водители материли нашего лихого шофера, который был без страха, упрека и тормозов... В общем, все были при деле и на пределе. Возможностей или нервного срыва – детали, не стоящие уточнения.

Эмоции, кипевшие в утренней давке, я чувствовала отчетливо: общественный транспорт был тем местом, которое каждый день мне напоминало, почему я не люблю людей. Но они были не виноваты, что рядом с ними пси-маг и их чув-

ства с деликатностью осадного бревна, долбящего в ворота крепости, стучат в мой мозг.

Выйдя на нужной остановке, я облегченно вздохнула и шустро зашагала к Университету магической адаптации имени Морвиса Белокрыла. В обиходе, от аббревиатуры УМА, его выпускников именовали умниками. Правда, перед этим добавляли «теми еще»... Сюда поступали те, кто большим резервом не блистал, но и совсем бездарным не был. Основной упор в обучении шел на теорию, лингвистику, артефакторику, лечебное дело – одним словом, все те дисциплины, где терпение, внимание, труд и ум могли заменить силу.

Адептская толпа растекалась по дорожкам меж корпусами. К слову, последние были даже не огорожены: все же малый потенциал – это и малая угроза. Так что в отличие от магического корпуса, где училась Мия, я не была невольницей высоких заборов и ворот.

Я направилась к старому зданию из темного камня, чья черепица на крыше повидала не одно столетие. Лестница, коридор, аудитория, знакомые лица одноклассников... Хотя по большей части одноклассниц. Мой милый сердцу серпентарий. А что? Кем еще могут быть девицы, столько лет изучавшие рунологию, филологию, этимологию заклинаний и прочие языкологии, как не острыми на язычок особами. Такими, которые могут легко с научной точки зрения доказать: самой распространенной формой глагола «уходи» бу-

дет «чеши отсюда». А типам, которые непонятливы и свои пристав...ки тянут куда ни попадя, филологические змеевны могут и суффиксом сразу в корень дать. А после – в некролог завернуть.

Одним словом, девицы были лишь на вид хрупки. А внутри – сталь. Нервов, терпения и седалища. Поскольку без них, корпя над расшифровками древних текстов с описаниями рунических ритуалов по призыву тех же монстров, можно легко самой одемонеть раньше, чем закончишь перевод.

К слову, о рунологии. Первой была как раз она, родимая. И за пару секунд до того, как профессор Вальтер, сухонький старичок в очках с толстыми линзами, переступил порог и поднялся за кафедру, чтобы начать занятие, я упала на свое место (оное было с краю, у окна) и выдохнула. Уф! Успела!

Аудитория погрузилась в тишину, нарушаемую лишь скрипом стилусов и быстрым, четким голосом профессора. Сегодня мы разбирали комплексные наклоны выводимых рун и то, как с помощью них маги древности, не имея понятия о матрицах плетения и векторах, создавали замкнутые потоки силы – в общем, дополняли знания, которые впитали на предыдущих курсах с молоком преподавателя. Хотя магистр почему-то считал, что с кровью. Выпитой неразумными адептами из него. Но, как ни называй, главное, что материал переварился и усвоился.

– ...и здесь, как видите, руна «Ингваз» не является завершающей, как принято в классических трактовках, а, благо-

даря отклонению, становится мостом, соединяющим первую часть заклинания со второй. И уже эта-то вторая часть может как усилить первую, так и в корне изменить изначальный ее смысл. – Преподаватель бросил взгляд на заскучавшего было Формуса и с нотой участия поинтересовался: – Я надеюсь, адепт, что у вас сейчас сердечный приступ или вы при смерти?

– Нет, – озадаченно протянул вихрастый одnogруппник, за столько лет успевший привыкнуть: такой тон магистра предвещает большие неприятности.

– Жаль. Очень жаль. Тогда у вас была бы хоть немного уважительная причина, почему вы мыслями не на моей лекции! А раз ее у вас нет, то считайте, что доклад по особенностям женской каллиграфии династии Роху есть. На тридцать страниц.

– К следующей лекции? – с надеждой спросил Формус, ибо та стояла в расписании через неделю.

– Семинару, – магистр был безжалостен. Ибо практикум стоял уже завтра.

Одnogруппник попытался изобразить приступ, побледнев, но, как говорится, поздно спасать лицо, когда ты вяпался уже по уши... Но Формус все равно пару минут старательно бледнел. Не помогло. Доклад остался с ним, магистр – непреклонен, а времени для лекции, увы, не осталось.

Звонок оповестил об окончании занятия, так что напутствием нам было самим доконспектировать параграф в учеб-

нике по сегодняшней теме. И подготовить оную на завтра на семинар.

После этих слов профессора я ощутила, как по аудитории прошла волна недовольства в сторону бедняги Формуса, который сегодня получил и дополнительное задание, и «признание» от одноклассников. Не отвлекись профессор, может, успел бы дочитать лекцию и конспект бы отменился... Впрочем, флер раздражения был легким, фоновым, сродни комариному пisku. Так что я даже не поморщилась. Все же это не утренняя давка в магобусе. Но мизантропом от этого быть не перестала.

Лишь вздохнула, поправила сумку и пошла на следующую лекцию. Уже по эпиграфике. Ибо мало руны знать, нужно уметь их читать по тому, что осталось по прошествии веков. Так что мы зачастую разбирали магоснимки менгиров, стел, алтарей. Но магистр Шейпик была фанатом своего предмета, так что одними изображениями дело не ограничивалось. Все, что могла, она приносила адептам, что называется, «живьем». Как-то раз даже затолкала в аудиторию саркофаг из подземной усыпальницы. А тот, между прочим, из-за охранных рун даже левитации не поддавался!

– Чтобы мои адепты были настоящими рунологами, а не на бумажке! – был тогда ее краткий ответ на тысячи «зачем». Автором половины оных, к слову, был ректор, узревший на мраморном полу «лыжню», что начиналась на первом этаже и тянулась через лестницу и коридор на третий, упираясь в

двери нашей аудитории.

При этом с виду магесса была – ну чисто божий одуванчик с седой гулькой. Одним словом, эта дама была живым воплощением поговорки «внешность обманчива».

И вот к этой-то коварной чародейке мы и направились всей группой, чтобы получить свободу (без равенства и братства, прошу заметить) спустя всего каких-то три часа.

Когда занятие закончилось, я поспешила в столовую, чтобы перехватить что-нибудь и отправиться на работу. Все же имелось у выпускников перед первашами преимущество: занятий было в расписании поменьше. Ибо к пятому году обучения основные знания мы уже получали самостоятельно, разгребая архивы, копаясь в музеях, зарываясь в библиотеки... и все ради написания диплома! Но по факту просто к этому времени почти все адепты уже вкалывали на полставки или находились в поисках вакансии по специальности. И ректор, прекрасно понимая ситуацию, называл творившееся «подготовкой», ибо считал: пусть адепты найдут себе места еще до окончания университета, чем будут по весне метаться дружной толпой по столице...

Так что я заскочила в столовую, прихватила оттуда бутерброд. Глянула, не подмигивает ли мне он (а то были прецеденты), и, кусая на ходу хлеб с бужениной, горчицей, листиками салата и маринованным огурчиком, заспешила в книгохранилище – место, где я могла побыть собой и одна.

Потому что книги были для меня не только дверьми, ко-

торые выводят в иные миры, но и собеседниками, которые не оглушают своими эмоциями. Для пси-мага – настоящий подарок.

Так что я каждый раз предвкушала эти шесть часов суетливой тишины. Суетливой, потому как все же платили мне не за чтение, а за то, что я находила в недрах главной имперской библиотеки запрашиваемые читателями через формуляры фолианты и возвращала их после на места. Ибо как бы далеко ни шагнул магический прогресс, но если на старинном, испещренном рунами талмуде навешано сто заклинаний, то еще одно, новое, возвратное, могло и не подействовать. Или сработать, но не так... И книга после чтения могла оказаться совершенно на иной, нежели ей полагается, полке. Так что без человеческих рук в этом деле было не обойтись. И хорошо бы, те принадлежали магу: ведь иные фолианты были с характером – могли обжечь, укусить, плюнуть проклятием.

Мой же дар, пусть и был небольшим, но позволял выжить среди таких книг с зубастым характером.

Вот и сегодня, когда один плотоядный фолиант хотел было мной подзакусить, то получил магией по своему корешку и присмирел, обиженно шелестя страницами.

Я поставила его обратно на полку и пристегнула железной цепочкой, чтобы не удрал на своих строчках. Те имели свойство выползать из текстового блока, точно паучьи ноги, и уносить основной сюжет куда подальше в самом букваль-

НОМ СМЫСЛЕ...

Только металл застежки лязгнул, как я услышала позади едва различимый шорох. Медленно-медленно, стараясь не издать ни звука, обернулась и...

– Помнишь меня? – с усмешкой произнес мужской голос на расстоянии всего одного шага.

Я вздрогнула и от испуга выругалась:

– Сгинь на Изнанку!

А все потому, что один псих подкрался ко мне так же тихо и незаметно, как сердечный приступ. А я, испугавшись, едва не схватилась разом за грудь и пульсар.

– Помнишь, – ухмыльнувшись, потянул – век бы его не видеть – вчерашний блондин и добавил: – За тобой должок, менталистка...

И тут я поняла, что до этого не испугалась вовсе, а так, слегка икнула. А вот сейчас – да, ко мне постучалась паника. Но не успела я не то что ее как следует поприветствовать – толком дверь... в смысле душу открыть, как на моем запястье сомкнулись мужские пальцы, а по ощущению – тиски.

ГЛАВА 4

– Дорогая, я с подарком, – меж тем выдохнул псих и свободной рукой тут же нацепил на мой палец кольцо. Едва это произошло, как мою магию враз отрезало.

Я судорожно сглотнула, дернулась и... мужская ладонь вдруг разжалась, отпуская. Тут же отскочила назад, попыталась стащить перстень и... ни-че-го!

– Даже не пытайся, – холодно и уверенно произнес псих и пояснил: – Лишь тот, кто надел блокатор, может его снять.

– Что?! Какой бред! – потрясенно выдохнула я, только что познавшая истину: не следует совать пальцы куда ни попадя. Особенно в кольца, которые преподносят мужчины! И плевать, что я-то не по доброй воле...

– Не бред, а новая артефакторская разработка, – поправил меня белобрысый, наблюдая, как я упорно пытаюсь стащить обод с безымянного. – А это – чтобы нас не услышали...

И с этими словами положил на полку вроде бы простой переговорник. Вот только едва псих нажал на дисплей того, как я ощутила волну силы. Она разошлась от магомеханизма на десяток шагов вокруг.

– Подготовился к встрече, – с ненавистью глядя на кольцо и коммутатор, протянула я. – Гад-же-ты...

И ведь наверняка это не все сюрпризы... в смысле, маго-

девайсы, которые есть у этого психа.

– Вообще-то, я предпочитаю имя Дэккер, – хмыкнул меж тем мой пленитель, решив, что я так к нему обращаюсь.

Пояснять, что я совсем не то имела в виду, не стала. Потому как этот вариант был даже лучше и точнее.

– Хор-р-рошо, Дэккер, – прошипела я сквозь стиснутые от злости и боли зубы: содрала кожу на пальце в кровь, пытаюсь стянуть кольцо, но увы... – Что тебе от меня нужно? Компенсация, извинения – так мы не нарочно выбрали твою машину. Прости, что разбили стекло, и за удар по голове прости. Моя кухня не со зла. Она испугалась...

Я тараторила, пытаюсь выиграть время, а сама осторожно делала маленькие шаги назад. Шансы удрать от психа на бис стремились к абсолютному к нулю. Но в жизни ведь всегда есть место чудесам? И чудовищам, правда, тоже, но я об этом старалась не думать, а вот о том, какие книги не пристегнуты к полке и способны атаковать – еще как.

Краем глаза увидела корешок «Зубчатого кодекса эпохи клановых распрей», а рядом с ним еще и «Хищный гримуар династии Форвасов»... То что надо!

Продолжая заговаривать (увы, фигурально, без магии) зубы белобрысому, я потянулась к «Кодексу» и...

– Руки! – только и успел рявкнуть псих – будь он неладен – Дэккер.

Поздно.

Я вооружилась знаниями, которые, как оказалось, не толь-

ко сила, но и внезапность. А еще клыкастость и огнеплева-
тость. Первый фолиант полетел в платинового, распахивая
свои страницы, обрамленные зубастой пастью. И следом за
кодексом отправился полыхнувший огнем гримуар. Я же под
прикрытием книг рванула вдоль стеллажа. Стрелой промча-
лась по прямой, завернула за угол, понеслась к отделу исто-
рической литературы, из него стремглав выскочила на лест-
ницу, буквально скатилась по ней, чувствуя себя старой ко-
лымагой, которая рискнула участвовать в уличных гонках: в
груди стучало, в горле хрипело, в боку кололо...

Добежала до двери подсобного фонда и, миновав его, вы-
шла, ибо сил бежать уже не было, в галерею. Еще немного –
и дверь черного хода. Только распахнула ту и... Предо мною
пролетело очень чокнутое тело.

Псих мягко спружинил об асфальт, словно и не сиганул
со второго этажа. Стремительно выпрямился и поинтересо-
вался:

– Теперь-то мы поговорим, или твоя беговая прелюдия не
закончена?

Нервно сглотнула, поняв: я таки добежалась. Хотя лучше
бы кто-то допрыгался. Но увы... Как-то запоздало вспомни-
ла, что яма вчера была высотой не многим меньше. А этот
ненормальный так же заявился и на арену.

Дэккер меж тем сделал шаг, так что расстояние между мо-
им свитером и кожаной курткой платинового сократилось до
ширины ладони. Мне почудился запах холодного металла с

нотами терпкого лайма и крепкого кофе. Странное сочетание. Хотя и сам платиновый странный.

А еще – очень упорный. С таким – сколько ни уходи от разговора – все равно догонит и продолжит беседу.

– Закончена, – выдохнула я и вскинула голову, прямо посмотрев в глаза цвета северного моря. – Что тебе от меня нужно?

– Маленькая услуга, – усмехнувшись, выдохнул псих, и мои щеки опалило горячее мужское дыхание.

– И ради нее ты проделал такой большой путь? – отозвалась я, чувствуя непреодолимое желание сморгнуть. А еще лучше – отвести взор куда-то в сторону. Но я не сдавалась. Ни за что... Ни дюйма ниже!

И все же на миг я опустила взгляд и увидела, как дернулся кадык психа. Кажется, кто-то не столь невозмутим, как хотел казаться... Сейчас, отрезанная от дара, я могла лишь предполагать. Хотя всю жизнь знала наверняка, не ошибаясь в чужих чувствах.

Ощущение эмоциональной пустоты оказалось новым и... неприятным! Хотя порой я считала, что телепатия – не дар, а проклятие, но оказалось, что без него как-то голо.

– И готов зайти еще дальше, мисс Макклейн, – произнес псих, и взял мой подбородок, заставляя чуть запрокинуть голову и снова посмотреть в бушующее северное море, и спросил: – А на что ты готова ради сохранения своего секрета? Ментальный дар – редкий. Многие все бы отдали за облада-

ние... его носителем.

– Откуда? – вырвалось у меня сдавленное.

На секунду даже промелькнула мысль: а не менталист ли этот псих? Слишком хорошо он меня понимал, без пояснений.

– До этого вопроса у меня еще имелись сомнения – но теперь я уверен, что был прав, – хмыкнул псих.

Эти слова ошпарили меня кипятком. Гад-гад-гад! И сволочь. Отборная. Не золотая, а именно что платиновая! От затопившей на миг злости я забыла, как дышать.

Псих блефовал! А я попалась на его провокацию. Надо было стоять насмерть и все отрицать!

Но если сейчас дам волю гневу и взорвусь – то потеряю полностью контроль над происходящим. Не то чтобы он у меня был сейчас, но все же... так что обуздала рвавшиеся наружу эмоции и попыталась мыслить здраво.

М-да... Я, похоже, все же крупно влипла. Это минус. И еще один – меня шантажируют. Но есть и положительный момент. ... Правда лишь по правилам математики, когда умножение отрицательного на отрицательное дает... В моем случае вывод — псих не телепат. А это значит: шансы еще есть. Снять бы только кольцо и добраться до собственного дара...

– Тебе никто не говорил, что догадки – убийцы истины? – вскинув бровь, холодно произнесла я, намекая, что псих рано обрадовался. Ему все показалось. И вообще, я не рас-

крыла себя, а... удивилась. Да! Именно так.

И это я сейчас кое-кому и внушу. И если для убеждения нельзя из-за кольца использовать ментальный дар, то буду актерский. И вообще, некоторые женские чары посильнее магических, так что...

– Скорее предположения – это гробокопатели, которые отроют правду, как бы глубоко некоторые ее ни хоронили, – иронично заметил Дэккер, и не думая сомневаться.

– Ты ошибаешься, – выдохнула я и слегка качнулась вперед, наступая. – Я огненная. И если снимешь это демоново кольцо, то докажу тебе это.

– Настолько огненная, что прожаришь мне мозги? – саркастически уточнил платиновый. – Нет уж, спасибо...

Мысленно поморщилась. Не хотелось бы давать клятву крови типу, которого вовсе не знаю, но...

– Мне поклясться, что я на такое просто не способна? – выдохнула вопрос так, что моя грудь коснулась мужской.

На долю минуты мужские зрачки расширились, жилка на виске запульсировала чаще.

Да! Ну давай же, хороший пес... псих. Ты же любишь азарт. А иначе не спрыгнул бы в яму к твари. Любишь опасность, проверять себя на прочность... Проверь и поверь, что я не та, кто тебе нужен.

Вот только шторм северного моря в глазах Дэккера длился всего секунду, а в следующий миг тип стиснул зубы и зло выдохнул:

– Как тебе удалось отключить артефакт?

Я едва не взвыла. Хорошо же начиналось, он почти ключнул и...

Дэккер все же отпустил наконец мой подбородок и взял руку. Ту самую, на которой было колечко психа. Камень в перстне под пристальным взглядом Дэккера продолжал гореть неестественно-зеленым.

– Да ничего я не отключала! – выкрикнула, тщательно отмерив в голосе отчаяния. Держись, Джи, держись! Ты пламенный маг. И только. У тебя нет никакого ментального дара! А после, отыгрывая вспыльчивость огневички, дернула ладонь на себя, пытаюсь высвободиться. Но куда там... – Только уходила. Вернее, убегала...

– И зачем же? – прищурившись, уточнил Дэккер.

– А сам как думаешь? Я решила, что ты мстить пришел. А мало ли как ты захочешь поквитаться. И я клянусь своим магозверем, что не умею мысли читать! – выпалила, и порывисто поднесла свою свободную руку к губам, и прокусила ту до крови.

Алые капли, выступившие на коже, вспыхнули. Псих ошарашенно глянул на них, а я тихо выдохнула: кажется, удалось сыграть в отчаяние и запальчивость. А все для того, чтобы клятва выглядела максимально естественно. Вынуди псих сказать, что я не менталистка – и обман тут же бы раскрылся. Потому как пси-магом я была. Но вот читать мысли – это моему дару было недоступно. Лишь чувства, которые не лгут

в отличие от слов. И только.

Дэккер несколько секунд гипнотизировал укус взглядом, а потом, словно сам особо не веря в то, что делает, стянул с пальца кольцо и скорее для себя, нежели меня, произнес:

– Я не мог ошибиться...

Но едва перстень соскользнул с моего пальца, как я тут же призвала огонь: на моей руке вспыхнуло пламя, и его жидкие капли упали на асфальт, обратившись горностаем. Он тут же оббежал вокруг психа, привстал на задние лапки, любопытно подергивая усами. Его рыжая шкурка напоминала горящий факел.

А пси-дар дал знать о себе едва различимой волной разочарования и удивления. Вот только я и не думала на нее реагировать. Хватит. Наоткликнулась уже в машине.

До этого мне не доводилось сталкиваться с теми, кто мог ошутить мое вмешательство в свои эмоции. А этот ненормальный – чувствительная натура. Правда, с убийным характером и не только им: судя по тому, что платиновый до сих пор жив, а вот тварь в яме, что-то мне подсказывало, уже нет.

Так что мысленно закрылась щитами. Чтобы псих точно ничего не ощутил.

– Все когда-то ошибаются. Главное, после этого прощать и отпускать, – с намеком протянула я и мысленно для себя добавила: «А еще не забывать сжигать улики». Хотя в моем случае правильно было бы вести себя тихо, предсказуемо и если отсвечивать – то только огненным даром. В его тени

хорошо скрываться ментальному...

Между тем псих задумчиво покрутил в руках кольцо, и я решила, что надо добивать этого ненормального. Не кирпичом (жаль), а всего лишь предложением:

– Мы с кузиной повредили тебе окно, ты мне – психику, мы квиты. Может, разойдемся?

– У-и-у... – поскуливая, вторил мне горноста́й.

Псих перевел взгляд с кольца на зверя, потом посмотрел на меня и... кивнул. А я едва не выдохнула облегченно и тем себя не выдала. Снова.

Удалось-таки провести этого ненормального. Он поверил! А значит – не будет и преследовать меня больше. Я сделала все правильно...

Только бежать не стоило из библиотеки. Но в свое оправдание могу сказать: испугалась, растерялась и запаниковала... А когда девушка паникует, она ничего объяснить не может. Ни нападения саблезубых фолиантов на блондинов, ни забегов по этажам... Просто психанула. Потом подумала. После еще раз, уже спокойно и показательно психанула и... Нашла выход!

Еще бы ответ на вопрос «Как вообще этот Дэккер меня выследил?» отыскать. Но это потом. Сейчас, главное, уйти...

Так что я медленно повернулась к двери. И даже успела сделать шаг, за ручку двери взялась и... Никогда не знаешь, что может тебе ехидно усмехнуться в ответ. В моем случае – это был замок на двери. Он показал мне язык. В прямом

смысле: магомеханизм оказался с автоматической защелкой. Мол, выбежать из книгохранилища может любой, а вот вернуться к источникам знаний – только через парадный вход.

В надежде пару раз дернула дверь. Та громыхнула – и только. У-у-у-у! Гадство! Придется обходить здание.

Отступить было некуда – позади псих. Так что я повернулась на пятках и бочком, прижимаясь к стене, попыталась удр... гордо и независимо уйти в кратчайшие сроки. Еще и Рохо, попискивая, решил виться у ног... И нет бы у чужих! Моих!

Так я прошла меньше десятка шагов, когда услышала:
– Эй, Зефирка?!

От неожиданности я чуть не споткнулась. Что еще? И следом в груди поднялось возмущенное: как он меня назвал?! Да такое, что дар отозвался, всколыхнулся, ударил о ментальные щиты изнутри и... Ответить я ничего не успела.

Меня настигли, схватили и прижали к стене. Я ахнула от неожиданности, пытаюсь удержать взбунтовавшийся псидар, когда мужские губы твердо, яростно и безжалостно накрыли мои.

Попыталась ударить Дэккера в грудь, отодвинуть, но куда там – проще скалу стронуть с места, чем этого платинового.

Поцелуй был злым, напористым, с привкусом обжигающе-крепкого кофе. Такого, один глоток которого стреляет своим горько-насыщенным вкусом разом и в голову, и в желудок, заставляет даже зомби проснуться и слегка озвереть.

Последнее со мной и случилось. Потому как приличные девушки не кусаются, не царапаются, не дерутся... Мои ногти вонзились в мужскую шею, зубы прикусили наглуую, твердую, чуть обветренную нижнюю губу Дэккера, колено согнулось, метя в уязвимое место противника.

Только псих меня опередил. Вжал в каменную кладку еще сильнее со словами:

– Люблю горячих малышей... А ты еще и огненная. Давай здесь...

Что «здесь» он не договорил, но я додумала и... запаниковала! Снова. Щиты слетели, и прежде чем я успела обуздать эмоции, а с ними и пси-дар, Дэккер резко отстранился и, стирая с губы кровь, холодно произнес:

– Все же не показалось. Тебе почти удалось обмануть меня, блокирующий магию артефакт и даже обойти клятву. Но больше я не куплюсь. Или клянешься мне здесь и сейчас, повторяя слово в слово за мной слова зарока, или уже будешь говорить их же, но всей службе безопасности разом. Телепаты им нужны...

Ну почему, когда я только-только решила, что дешево отделалась от психа, этот гад дал понять: мне это будет дорого стоить!

– Я не умею читать мысли, – выпалила, понимая, что просчиталась. Этот чокнутый оказался мастером провокаций. Сначала в хранилище, теперь здесь. Он на раз-два вывел меня в состояние, при котором я плохо контролировала мен-

тальный дар, и... воспользовался этим!

Да он даже гадскую защелку замка учел! Чтобы отпустить, но не далеко. Дать поверить: все обошлось – а потом использовать фактор неожиданности.

Гад опережал меня на шаг. И пока я не пойму, как у него это выходит, – буду проигрывать.

– А что я только что ощутил?

– Эмоции! Демоновы эмоции, – призналась, понимая, что в этот раз обмануть не удастся. А договориться – шансы еще были. – Я эмпат!

– Жаль, – дернул прокушенной губой псих. – Но даже так ты сгодишься.

– Для чего?

– Сначала клятва...

– Да пошел ты! Вдруг я должна буду убить императора? Служить тебе потом всю жизнь? А если я совершу преступление и пострадает моя семья, я сама и...

Не договорила. Меня перебили.

– Это не противоречит закону... Почти. Всего одна маленькая услуга – и я исчезну из твоей жизни навсегда...

Я сглотнула и посмотрела на психа. Выбор был невелик. Одна услуга ему, или множество – службе безопасности...

– Тогда и ты тоже поклянись: что я выполняю лишь одну твою почти законную просьбу и ты больше не пытаешься меня шантажировать! Никогда!

По помрачневшему лицу блондина стало понятно: он

предпочитал не связывать себя такими условностями, но... в противном случае резона выбирать его, а не законников у меня не было.

Дэккер-псих, он же платиновый, он же гад, он же кара одной менталистке за все ее грехи (правда, мне и пси-дара хватает, зачем еще добавлять-то?) смотрел на меня сверху вниз, не торопясь соглашаться.

– Хорошо, – наконец процедил он.

«Зараза» не сказал, но в воздухе это слово ощущалось почти физически. Я дернула уголком губ. Так-то лучше. Хотя бы не Зефирка.

А после поклялся, что попросит (а также прикажет, напишет, сообщит – это уже я добавляла к основному зароку, а псих, стиснув зубы, соглашался и повторял) меня лишь об одной услуге. И по ее выполнении никому никоим образом не сообщит о моем секрете.

А потом настала и моя очередь. И лишь после я узнала, что, собственно, от меня было нужно: заставить того, на кого мне укажет Дэккер, проникнуться к психу доверием и расположением.

– Для этого необязателен эмпат. Достаточно подыграть просто какое-то время, – поморщилась я.

– Времени у меня как раз и нет. Полное доверие мне нужно уже завтра. С учетом того, что этого человека я увижу впервые и на нем амулетов больше, чем на бродячем псе грязи.

– И как я, по-твоему, пробьюсь через них?

– Ну через мои-то ты как-то пробила? – заметил как бы невзначай псих. Я стиснула зубы так, что показалось: еще немного – и начнут крошиться.

Дэккер же меж тем смотрел на мои розовые распушенные волосы, на горевшие от злости щеки, на поднимавшуюся от резких вдохов грудь под свитером, на пересохшие после поцелуя губы... На них особенно пристально. Настолько, что я ощущала это почти физически.

– Встретимся завтра в восемь в баре «Ватный голем». Надеюсь что-нибудь пособлазнительнее, – выдохнул Дэккер от чего-то хрипло.

– Понравиться же должен ты, а не я, – мне не удалось удержаться от сарказма.

– Но пройти внутрь – мы оба. Так что сделай, как я сказал.

С этими словами псих развернулся и пошел прочь. Прямая широкая спина, уверенный шаг... Ничего в облике психа не говорило о том, что случилось совсем недавно на заднем дворе хранилища. Ну почти ничего – кровавые царапины на мужской шее не в счет.

Я проводила своего то ли напарника, то ли нанимателя... шантажиста!.. взглядом и, когда платиновый скрылся за углом, с чувством ударила затылком о каменную кладку. А потом еще раз и еще...

Словно пыталась выбить из головы дурь. Правда, навряд ли это поможет. Моя пятая точка отлично знала, где найти

еще и этого добра, и приключений...

ГЛАВА 5

Рохо прыгал вокруг, возбужденно попискивая. Сейчас его шерсть была почти не отличима от обычного горноста: ни одной искры пламени не пробегало по шкурке. Только насыщенно-рыжий цвет меха давал понять: это не совсем обычный зверь.

– Ну, что скажешь обо мне, психе и сегодняшнем дне? – задала я зверьку риторический вопрос.

Рохо фыркнул, намекая, что дно полное, но расслабляться не стоит: снизу могут еще постучать.

– Ну, спасибо за поддержку.

– Пф-пф... – отозвался на своем, горностаевом, рыжий, мол, всегда пожалуйста, и, чихнув, соорудил умильную мордочку.

Все же Рохо был хорошо воспитанным зверем. В смысле, умел скрыть, что очень высокого мнения о себе и не очень высокого – о своей хозяйке.

– Пойдем уже обратно, рабочий день еще не закончен, – вздохнула я. – Не хочу добавлять выговор от заведующей. У меня и так уже есть проблемы из-за психа...

Горностаи недоуменно склонил голову, всем своим видом как бы говоря: «Зачем есть проблемы, если можно котлетку? Или лучше две». Но надолго Рохо замирать в одной позе не умел и спустя секунду уже дернул хвостом, изогнулся дугой,

потянувшись разом всем собой, встопорщил хвост и упругим мячиком поскакал вперед меня к центральному входу.

Впрочем, входя в библиотеку, пришлось фама вобрать. Все же огонь и книги плохо совместимы. Из-за этого меня даже не очень-то и брать сюда хотели, но... Звание почти дипломированного специалиста по рунологии, древним наречиям и трем современным языкам все же перевесило одного мелкого пламенного горноста. Директор библиотеки, скрепя сердце, стиснув зубы и сжав в руке мою адептскую зачетку с отметками «превосходно» и «достойно» за экзамены и зачеты, дал добро на прием нового специалиста. Моего предшественника сожрали. Вернее, покусали. И даже не коллеги, а книги. Так что отделу книгохранения срочно была нужна свежая кровь. Иносказательно, конечно. Но не факт...

Так что взяли меня. Выдали пропускной амулет, кучу обязанностей, толику прав, а по итогам первого месяца – и зарплату, и даже без нагоняя. И теперь, чтобы не лишиться любимого места работы, нужно было успеть сделать все то, что я пропустила из-за одного психа.

Когда вернулась в лабиринт стеллажей, то первым делом отловила фолианты, которыми запустила в Дэккера. Книженции успели удрать, но недалеко, так что вернула их на полки, заодно прикрыв распахнутое окно.

Окон в книгохранилище было не так и много, да и открывали их редко. Кому понадобилось? Хотя были догадки... Одному наглomu любителю прыгать со второго этажа, думаю,

не составило бы большого труда и залезать на него. Тем более рядом водосточная труба...

Хорошо, понятно, как Дэккер сюда попал. Но как вообще меня нашел? В его каре мы же ничего не оставили? Малая свой переговорник, пусть и разбитый, взяла. Мой магофон – вот он, в кармане штанов лежит... Ни пропусков, ни зачетных книжек, ни свидетельств личности у меня с кухней с собой не было... А запустить заклинание поиска по крови – так тем более.

С недоверием уставилась на собственные руки, словно ища на них порезы. Но нет. Хотя... что если Мия оцарапалась о разбитое стекло?

Тогда через кухню Дэккер мог выйти на семью и меня. Гадство, значит, он знает не только обо мне, но и о Макклейнах в целом.

В груди вдруг появился твердый холодный ком, который начал расти, шириться, тяжелеть и медленно опускаться куда-то в желудок. Да, я привыкла за свою жизнь переживать, что мой ментальный дар обнаружат, будут использовать... Но никогда еще передо мной не маячила угроза для приемной семьи. Тех, кто стал мне дорог. И оказалось, что за тетю с дядей, кузин я переживаю едва ли не больше, чем за собственные пси-способности.

С силой сжала книгу – тот самый «Зубчатый кодекс» – которую держала в руках, и та слабо пискнула. Только тогда я заметила, как побелели костяшки пальцев, и медленно раз-

жала руки. А после продолжила расставлять остальные возвращенные издания и собирать новые, указанные в стопке формуляров.

Все оставшееся время я носилась как сумасшедшая белка в колесе, складывая на тележку все то, что жаждали прочесть неизвестные посетители зала. Металась между стеллажами, от читального зала к книгохранилищу и обратно, как будто могла убежать от проблем, которые подкинул мне белобрысый гад.

На удивление, в таком темпе я успела наверстать упущенное, и не пришлось оставаться в книгохранилище после окончания смены. Хотя я бы не отказалась. Отчего-то не хотелось идти домой. Словно, если я не переступлю порог семейного гнезда Макклейнов, то и бед им не принесу...

Собираясь с силами, прислонилась к одной из книжных полок. Не знаю точно, сколько я так простояла, наверное, пару минут, не больше, когда ощутила, как меня едят. Точнее, жуют, слегонца так, но причмокивая волосами.

Дернула головой, и тут же из глаз едва искры не посыпались: какой-то ушлый фолиант, поставленный не обрезом к стенке, а корешком внутрь, решил, что меж его страниц отлично будут смотреться розовые пряди.

– Ах ты, обжора! – прошипела я, вытряхивая часть своей копны из плотоядной книжицы.

Та обиженно пыхнула и, выпустив добычу, с глухим звуком упала на пол. «Чарозвери и способы их приручения» –

вилась надпись на фоне ясного неба и зеленого луга. Я лишь хмыкнула: и откуда такая плотоядность у издания со столь миролюбивым названием? Вот уж верно: не суди о книге по обложке, и о ее уровне опасности тоже!

Я подняла покусившийся на меня (и покусавший тоже) фолиант, собираясь поставить его обратно, уже как положено, корешком наружу, когда из дальнего конца зала раздался голос охранника:

– Госпожа Макклейн, вы остаетесь еще поработать, или я могу активировать охранные чары на ночь?

– Уже уйду, – отозвалась я Томану, совершавшему ежевечерний обход после закрытия библиотеки.

А потом посмотрела на книгу, что держала в руках, вспомнила о Мии и ее тигрице, с которой кузина никак не могла найти общий язык, и решилась... Конечно, этого делать было нельзя, но один вечер всего! Никто не заметит. А я быстро законспектирую все и отправлю кузине обычным письмом, раз ее переговорник разбит. Вдруг это поможет малой с ее фамом? Я была слабым магом, слабой физически, слабой защитой... Но хотела помочь тем, кто мне дорог, всем, чем могла. Хотя бы такой малостью.

Поэтому волосолюбивый фолиант отправился ко мне в сумку. И, вскинув ремень той на плечо, я заспешила на улицу.

По вечернему городу неспешно гуляла поздняя осень. Она уже давно заглянула на улицы, в парки, дворы, обронила

свою медовую шаль на деревья... А теперь вот кутала столицу в пелену дождей, частивших через обнажённые кроны.

Ее дыхание – глубокое, влажное, казалось, проникало под свитер. Газовые шары с магическим запахом словно разливали на мостовую жидкий янтарь. Он отражался в до блеска отмытых каплями дождя булыжниках.

Этот свет не гнал сумерки прочь, а лишь размазывал их по мокрому асфальту, по стенам домов. Еще немного – и настанет время ночных тварей изнанки. Но пока они сидели по своим темным углам.

Я поежилась, подняла воротник куртки повыше и достала из сумки простенький артефакт на цепочке. Надев амулет на себя, активировала его, и тут же над головой раскрылся купол, защитивший от несильного, но упорного до назойливости дождя, который, несмотря на свою неспешность, мог отмочить, как последний псих, все что угодно: от ног до репутации.

Вспомнив о ненормальных, вернее, одном конкретном, зло выдохнула и ускорила шаг, а потом пошла еще быстрее, и еще... По итогу до остановки я и вовсе добежала. Причем как раз в тот момент, когда подъехал магобус и начал распахивать свои двери.

В них-то я и влетела, лишь в последний момент убрав купол над головой.

Другие пассажиры, видя такую таранную решимость, от греха подальше даже расступились. Меня привычно окати-

ло волной чужих эмоций, от которой я закрылась щитом. И лишь после этого ощутила, как устала.

За окном замелькали сначала «утесы»-небоскребы, но вскоре они начали редеть, уступая место постройкам старого города. Здесь зданиям было по несколько веков – особняки минувшей эпохи, доходные и гильдейские дома. Некоторые из них ныне были многоквартирными, в других, попроще, могла жить всего одна семья. В одном из таких и обитали дядя, тетя, кузины и я с ними.

Стенам, в которых выросло не одно поколение огненных магов младшей ветви рода Макклейнов, было три сотни лет. Темный, посеревший от времени кирпич, островерхая черепичная крыша, маленький ухоженный палисадник, где даже поздней осенью алели упрямые позднецветы, и пристроенный лет семьдесят назад к дому гараж – вот таким было место, где меня приняли в новую семью.

Переступила знакомый порог и сразу же ощутила запах яблочного пирога, жаркого и теплого семейного вечера.

– А вот и Жи! – донесся с кухни голос тетушки. – Ты как раз вовремя, я накрываю ужин.

Последний прошел... сытно. Оказалось, что я так пере-нервничала, что за столом не я контролировала аппетит, а он меня, так что съела все до крошки и за чаем уже сонно моргала. Но посуду помыла. Тия и Рия убирали со стола, а после – вытирали тарелки.

Не хватало только малой.

– Тетя, Мия не купила себе сегодня новый магфон перед отъездом? – как бы невзначай спросила я Розалию.

– Нас просила, – усмехнулась та. – У самой денег не хватало.

– И? – я приподняла бровь и, опустив щиты, поймала чужие эмоции. Если бы они пахли, то свежим имбирным печеньем, если бы звучали – то смехом дяди Томариса, если бы их можно было потрогать, то пальцы почувствовали бы под собой теплую шаль.

Тетя всегда была искренней, отзывчивой, и рядом с ней я согревалась душой. Только сейчас к привычному шлейфу ее чувств примешивалась грусть. Она переживала за свою старшенькую.

Потому я подхватила эту темную нить, аккуратно потянула на себя, вынимая из общего полотна эмоций, вбирая в себя. На пару мгновений стало еще печальнее оттого, что кузины нет рядом. Но я знала, что это не только мои чувства, но и чужие, и я справлюсь с ними. Не раз справлялась. А вот ощущение безопасности, которое привычным медовым, но сегодня чуть тусклым ореолом витало вокруг тетушки, стоило бы подпитать. И послать от себя волну удовлетворенности. Добавить немного нежности, благодарности...

Моя сила прикоснулась к эмоциям тетушки, усиливая одни, приглушая другие. Розалия вздохнула – уже не озабоченно, а полной грудью. Ее расправленные плечи, будто державшие невидимый груз, слегка опустились. Она усмехнулась и

ответила:

– И я сказала, что хочет новый – пусть зарабатывает.

«Значит, о разбитом мелкая ничего не сказала родителям», – догадалась я и, пожелав домочадцам спокойной ночи, поднялась к себе, чтобы после ванной немного почитать и поукрошать позаимствованный в хранилище волосолубивый фолиант.

Правда перед этим вспомнила, что завтра коллоквиум... Так что до своей находки добралась ближе к полуночи.

Книжечка, когда я достала ее из сумки, выразила мне свое фи за вынужденное заточение, и попыталась цапнуть за палец, и тут же получила по корешку. А от легкого удара магии и вовсе присмирела. Я же достала блокнот, стилус, проверив, не закончились ли в последнем чернила, и принялась за чтение.

Общую классификацию чарозверей я пролистала по диагонали. Всем известно о том, что магия может трансформироваться не только в привычных волков-медведей-белок-соколов, но у представителей высших родов, чей дар не просто велик, а огромен, и в грифонов, фениксов, василисков. У сильнейших чародеев – и вовсе в драконов.

Только этих могущественных чародеев можно по пальцам пересчитать. А в большинстве своем у одаренных звери были попроще.

Но меня интересовало другое. Как приручить свою же собственную магию, воплощенную в животном теле?

Авторы монографии сначала предлагали классические способы, которые Мия и так использовала: проводить больше времени со своим фамом, играть с ним, разговаривать, уважать пространство зверя и его желания...

Увы, тигрица кухни была своенравной, как и сама мелкая. А еще упрямой, вспыльчивой, проказливой... Как и любой котенок. Только тяжелый. А сто кило игривости – это уже смертельная угроза для психики. А если не игривости, а злости – угроза для всего, всех и везде...

– Та-а-к, а это что у нас, – широко зевая и пытаясь не закрыть слипавшиеся глаза, сама себе под нос протянула я, перелистывая страницу.

Рохо, дремавший до этого на подоконнике, приподнял голову, вспыхнул, точно факел, осветив все вокруг и посрамив тем настольную лампу.

– Спи, – цыкнула я на него.

Но горноста́й, точно зло, которое если и дремлет, то только вполглаза и не понимает, зачем вообще нужно так долго мять подушку, тут же встрепенулся, потянулся на зависть всем арочным мостам разом и поспешил ткнуться своей любопытной мордочкой в страницы. Пришлось отогнать этого проныру, чтобы не отвлекал.

Рохо на это фыркнул. Мол, нужно мне совать свой нос в ваши дела, когда можно в холодильник, бутылки с молоком и кастрюлю с рыбником!

Так что зверь напоказ, обиженной каплей ртути просочил-

ся через неплотно прикрытую дверь и был таков. А я продолжила чтение. Хотя это было скорее бдение, переходящее в сражение со сном.

Литеры перед глазами плыли, но я продолжала упорно продираться сквозь параграфы и наконец дошла до ритуала единения. Когда хозяин давал зверю испить своей крови...

Описание было длинным, но я начала его конспектировать. Старательно зарисовала пентаграмму и, когда с ней закончила, страница перед глазами поплыла. Видимо, организм решил за меня: на сегодня хватит. Раз я предыдущую ночь не спала, то эту высплусь принудительно, хочет того дурная хозяйка или нет.

Но я все же, сделав усилие над собой, проморгалась и перепроверила написанное: если я сейчас ошиблась, то Мия израсходует весь свой резерв зазря. А может еще и откат получить. Так что... Лишь убедившись, что все законспектировала правильно, встала из-за стола. Сладко потянулась, хотела было закрыть книгу, как промелькнуло изображение: тело человека объединяется с грифоньим.

Картинка была яркой, красочной, так что невольно остановилась на ней и прочитала подпись: «В эпоху Темных веков, во время Корвийского похода против тварей изнанки, сильнейшие маги практиковали полное слияние своего тела и зверя. Это часто приводило к тому, что разум животного побеждал человеческий. И наступал исход...».

«Как обтекаемо, однако, назвали полное озверение чаро-

дея», – промелькнула меж дремоты мысль. О том, что происходило дальше, гласили легенды: такие маги уходили в леса, а там на них начинали охоту рыцари, селяне и просто те, кто жаждал разжиться редкими ингредиентами для декоктов... Рог единорога, драконья чешуя... Все это осталось в легендах. Современная магия опиралась на формулы, расчеты, вектора...

Меж тем взгляд скользнул ниже по строчкам: «Уже пять веков как данная практика слияния запрещена», – гласил текст.

«Зато понятно, почему вымерли сказочные твари... Маги кончились», – на этом я еще раз широко зевнула, завела побудный артефакт и ударила-таки крепким сном по тревожности.

А утро началось с вопросов: «Ну что, не встаешь? За окном уж заря... Неважно, что лишь полшестого! Чего удивляешься? Это ты зря! Не зри на меня обалдевши. Забыла, хозяйка, у нас же игра! Твой Рохо с двух ночи опять не евший!!!» – все это и много чего другого читалось во взгляде горностая, который топтался по мне, энергично подпрыгивал и тыкался мордой в лицо, всем собой намекая, что пора бы покормить несчастную животинку...

Я горестно взглянула на побудный артефакт. Зачем он, если есть Рохо? Вот вчера забыла призвать магию обратно – получай!

Хотя считается, что фаму все же надо давать время, что-

бы побыть в физическом воплощении просто так. Это для него полезно. Значит, будем считать мое разгильдяйство не разгильдяйством вовсе, а заботой. Вот.

С такими мыслями я и встала, не в силах пока определиться: я все же не выпалась или просто всех ненавижу... И выяснять это, а также кормить одного пушистого проглота, я отправилась на кухню. Но, как оказалось, Рохо и сам себя неплохо покормил, и выпросил у успевшей проснуться тетушки вкусняшек, и у дяди, тоже поднявшегося, не забыл поклянчить еды...

В общем, был голоден, как никто. Достав из холодильника отварной куриной грудки, отщипнула зверю. Тот с видом, что делает мне одолжение, принялся есть.

Я же начала колдовать над джезвой.

– Ты с нами не позавтракаешь? – глядя на то, как я алхимичу с кофе, догадалась тетушка.

– Нужно до занятий заскочить в библиотеку, вернуть до открытия... – пояснила я, и мы с Розалией принялись следить: я – за кофе, тетушка – за мной. Чтоб ни то, ни другая не сбежали. Потому как завтрак в этом доме считался основой основ. И пренебрегать им не следовало. Так что я, сделав себе пару тостов, села есть. И Рохо тут же возник рядом, наплевав на презренную куро грудь, как изголодавшаяся на диетах красавица.

– Ты этого не будешь, – выдала я одну из самых частых фраз, которую произносила за столом, когда Рохо крутился

под оным.

– Пф-пф! – фыркнул зверек, возражая.

Пришлось протянуть к его носу хлеб с арахисовой пастой, чтобы пушистый убедился: и вправду не будет. После чего рыжий залег у моих ног, намекая, что раз ничего вкусного больше не светит, то так и быть, он нагулялся и готов вернуться к хозяйке.

Я тут же простерла над ним руку, и пушистое тельце истаяло, вбираясь сгустком огня в ладонь.

– Мне кажется, или он немного подрос за последние дни, – как бы невзначай заметил дядя, вошедший на кухню.

– Наверное, просто опушистел, – ответила я, про себя прибавив «и обнаглел».

А после, чмокнув дядю и тетю, заспешила в библиотеку. Туда я примчалась за полчаса до официального открытия и, извинившись перед охранником, сказала, что кое-что забыла вчера.

И ведь это была чистая правда! Ни единого слова лжи. Потому как я не уточняла, что забыла вернуть...

Вернув кусучий фолиант на его место, отправилась на коллоквиум. Среди адептов ходила байка, что изначально предмет маго-стехиометрический анализ назывался «Мучения. Страдания. Агония», но для благозвучия его переименовали. Правда суть осталась прежней. Так что я морально приготовилась просидеть на нем три часа. Но нас выпустили досрочно. За примерное поведение.

Только облегчения это не принесло. Потому как вместо того, чтобы, как все приличные адепты, переживать – спросят или нет, и если да, то когда, я вдруг осознала, что сегодня вечером у меня по расписанию большие неприятности, и мысленно начала готовиться к ним. В смысле – заранее переживать.

Причем так отвлеклась на это дело, что сама не заметила, как подсказала Маршиве три правильных ответа, Стефии помогла с решением уравнения, а Томире дала списать определения. В общем, была сама не своя и даже не стерва, что еще хуже.

А ведь я столько работала над образом этакой отморозенной надменной чудачки, чтобы от меня держались подальше. И вот пришел один гад – и вся репутация насмарку. И это он даже не рядом!

Так что вышла из аудитории я взволнованной и злой разом. Чтобы успокоиться, подошла к окну и какое-то время гипнотизировала облетевший парк через дорогу.

Не думать о психе, не думать о восьми вечера, не думать о демоновом баре, где мы должны встретиться...

Самовнушение помогло мало. Я ощущала почти физически, как внутри натягивается струна. Вчера, похоже, мозг решил, что подумает обо всем случившемся завтра, а пока не будет паниковать. И вот завтра наступило, а с ним и растерянность... и от последней было тяжело избавиться. Вот почему, если ты менталист, эмоции других для тебя не пробле-

ма, а свои собственные...

Глубоко вздохнула. Прикрыла глаза. И тут же перед мысленным взором встал платиновый. Четкие скулы, жестковатый изгиб губ, широкие плечи. А еще враз вспомнился запах. Лайма, кофе и стали – опасность, риск и все то, от чего бы я хотела убежать. Но не могла: исчезни я, и неизвестно, как это отразится на моей семье.

«Дэккер, – прошептала я тихо-тихо, – проклятый псих».

А после втянула через сжатые зубы воздух и попыталась сосредоточиться на виде обнаженных ветвей. Сейчас сквозь облетевшие кроны стал виден пруд, что был в центре парка. Вода свинцовая, тяжелая, словно огромный осколок неба... Скоро все начнет подмерзать, выпадет первый снег, а потом и лед скует темно-синюю гладь...

– Эй, Вирджиния, ты идешь? Лекция скоро начинается, – окликнул меня со спины девичий голос.

Я обернулась. В паре шагов от меня стояла Маршива, поправляя свои элегантные очки.

– И? – надменно приподняла бровь. Раз уж не удалось сохранить реноме отморозенной стервы, надо попытаться его хотя бы вернуть с минимальными потерями.

Увы, Маршиву оказалось одним лишь холодным взглядом, словом и жестом не пронять. Нужно было что-то посущественнее. Типа айсберга на голову, чтобы одноклассница хотя бы ощутила легкий холод. Закаленная, чтоб ее. И эмоциональная.

Чувства благодарности, недоумения и легкого разочарования, исходившие от нее, буквально оглушали.

– И ты не должна на нее опоздать, – меж тем закончила Маршива.

– С чего бы? – прищурилась я, пуская в сторону адептки волну раздражения: пусть проникнется ко мне прежней антипатией.

– С того, что я вообще-то староста. И отвечаю за посещаемость, успеваемость...

– И прочую гадость, – подхватила я.

– Но не стервозность, – продолжила Маршива наш марфон слов на «–ость». – За нее у нас ты отвечаешь.

– Что ты, за это звание мне нужно побороться с половиной группы...

Адептка поджала губы и развернулась на каблуках, собираясь уходить. Но, сделав шаг, замерла, посмотрела на меня через плечо и бросила:

– Иногда мне кажется, что ты специально хочешь быть плохой, а иногда я в этом просто уверена.

И она ушла, гордо цокая каблуками. Вот, стоило лишь ненадолго отвлечься и... Все труды дракону под хвост!

Осталось только выдохнуть, еще раз пожелать одному психу всего наилучшего и... отправиться на лекцию по лингвоэволюции, где мы уже несколько лет изучали, как руны дошли до жизни такой, в смысле превратились в литеры, и при этом утратили магическое наполнение.

А после – привычный перекус на бегу и библиотека, где на этот раз смена прошла в тишине и спокойствии. Жаль, на душе не было ни того ни другого.

Правда, уже на эволюции я смогла обуздать свою тревогу и паниковала теперь подконтрольно, за несколькими психитами. Так что внешне была сама невозмутимость.

И домой вернулась, улыбаясь как обычно, а за ужином как бы невзначай обронила, что подруга позвала на пижамную вечеринку, так что я приду поздно или вовсе заночую... Выбрала именно этот предлог, поскольку была не уверена, когда закончится эта «маленькая услуга» психу.

Тетя с дядей ничего не заподозрили. Лишь обрадовались, что не очень-то общительная я сама решила провести время в кругу подруг, а не книг. А легкое дуновение сомнения Розалии и Томариса я приглушила своим даром, так что мне пожелали лишь хорошо повеселиться.

Вот только, поднявшись к себе и распахнув шкаф, я ощутила, как в животе что-то екнуло. Но я решительно выдохнула и, вспомнив слова Дэккера о том, что нужно выглядеть соблазнительно, протянула:

– Та-а-акс, и какую «пижамку» взять?

Ровный строй из пары вполне себе скромных платьев, джинсов, закрытых блузок и джемперов был явно в недоумении.

ГЛАВА 6

В верхней одежде я предпочитала неброскость. Меньше внимания. Меньше контактов. Меньше людей... Хотя розовые волосы сводили половину этих трудов насмарку, но все же... вторая-то часть оставалась!

А вот нижнее и домашнее белье – да, тут и пошалить можно. Озорные полосатые теплые чулки, ночные шортики с розовыми мишками, кружевные комплекты... но не пойдешь же в этом к психу...

Так что вздохнула, запустив руку вглубь гардероба. Пальцы наткнулись на что-то плотное. Платье. Новое. Еще с биркой, где размашистым почерком кухни было написано: «Использовать сегодня, на ведьмин шабаш, и чтобы пугать злых духов и болтунов». Помнится, это одеяние мне малая дарила на прошлый день рождения в шутку: ну куда в летнюю жару я бы носила такое... По ощущениям, тогда мне показалось, этот наряд сделан из плотного хлопка и огня. И плевать, что я сама вроде как маг пламени. Огневикам тоже бывает жарко!

А вот сейчас мне было не до этих самых шуточек в том числе и кузининых... Так что я критически оглядела пойманную в шкафу одежду.

Длинные рукава прямого кроя, небольшой вырез, юбка облегалась до верхней трети бедра, а к щиколоткам расходи-

лась широким колоколом. Такие платья по фасону называют русалочьими. Ну, значит, и я сегодня буду... Русалкой с придурью.

«Или все же лучше джинсы и водолазку? Или клетчатый сарафан до середины колена...» – ни один мужчина никогда не познает всю ту глубину мук выбора, которые испытывает женщина перед гардеробом. Даже если она – еще девочка, или девушка, или уже бабушка... Это у нас встроенная в организм функция.

Так что вдохновенно страдала я с четверть часа, потом плюнула и все же взяла подарок Мии. Надо же его хотя бы куда-нибудь выгулять. Пусть и на шабаш!

Шабашить, жаль, буду до седьмого пота и не за деньги, а за страх и свою тайну – но это уже детали.

Платье село... удивительно хорошо. Облегало фигуру, подчеркивая линии, которые я обычно прятала под свитерами. Я покрутилась перед зеркалом – и чуть не застонала. Выглядела я как минимум на пять лет старше, а двигаться было на сто процентов неудобнее. Но Дэккер сказал «соблазнительнее». Будем считать, что это самое соблазнительное в моем гардеробе. А на что-то более откровенное надо было выделить мне аванс.

Обувь – любимые сапоги-трубы на низком каблуке. Что такого? Ну кто под юбкой в пол их увидит? А мне еще и ковылять на шпильках – нет, уж, увольте... Накинула короткую кожаную куртку на плечи: не хватало еще замерзнуть из-за

этого платинового «начальника на одну ночь».

Последний взгляд в зеркало: розовые волосы, обычно собранные в хвост, теперь рассыпались по плечам. Лицо бледное, глаза слишком широкие – от страха или от ожидания, сама не знала. Я накрасила губы помадой, которую еле отыскала в тумбочке. Потом достала карту города и глянула, куда же меня послали. Оказалось – недалеко. Запомнив дорогу, сложила карту в сумочку, накинула ту на плечо и выдохнула: – Пора – не пора, я чудить пошла!

А затем, спустившись, тихо, точно ночной тать, выскользнула из дома.

Каблуки застучали по брусчатке, куртка согрела от сильного ветра, а вот юбка не могла придумать ничего лучше, чем мешать. Нет, так я далеко не уйду. Приподняла подол, задрав его до колен, и дело пошло быстрее. И я тоже.

Так что добралась до остановки и с двумя пересадками очутилась на улице, что вела к «Ватному голему» – заведению, о котором я не слышала ровным счетом ничего вплоть до вчерашнего дня.

Бар оказался в старом промышленном квартале, в здании, у которого из богатств было только прошлое. Ну и шикарная магическая плесень с эффектом флюоресценции. Она раскинулась по наружной стене и успела поглотить под собой часть рунических граффити. Кстати, как специалист, могу сказать, что символы были выведены с дичайшим количеством ошибок. Я не считала себя педантом, но если уж вы

используете бранные слова и символы, то пусть прохожие, читая их, краснеют за смысл, а не за исполнение!

Над тяжелой дверью висела вывеска «Ватный голем», и над ней кружил фантом какой-то кляксы. Надо полагать, того самого истукана, в честь которого и названо заведение.

Я замерла перед входом, выпустила из пальцев подол платья. Ткань упала, а с ней – и какой-то ком из горла провалился в грудь. И враз в ней я ощутила какую-то тяжесть.

Руки, на удивление, не дрожали. Вместо них тряслась душа. Где-то в районе пяток. На миг прикрыла глаза, собираясь с мыслями. Три раза напомнила сама себе, что меня, вообще-то, пытались выжить... И из дома отца, и с этого света разом, но ничего у мачехи не вышло. А все потому, что у Джи Макклейн упорства было не занимать (хотя бы потому, что здесь не у кого). Так что и сейчас буду настойчивой, осторожной, хитрой и... если что – бить сзади по голове по примеру Мии. Маги этого ожидают меньше, чем боевых арканов.

План был прост, но придал бодрости, так что я взялась за ручку двери и опустила щиты. Они, конечно, были слабой защитой – при моем-то небольшом уровне дара, но помогали порой не дернуться. Но сегодня мне нужны были все эмоции вокруг, чтобы ничего не упустить и самой не попасть в еще большие неприятности.

Распахнула створку – и меня окутали густой курительный дым, запах солода, пота и порока. Внутри было тесно, шум-

но, тускло. Барная стойка из грубого дерева, столики в глубине, по центру – помост, на котором извивался грудастый девичий фантом.

Дэккер сидел у стойки, полуобернувшись ко входу. Он сразу заметил меня.

Ну и я бы никак не пропустила самые широкие плечи этого зала. Белая футболка и почти такие же светлые в тусклом местном свете волосы.

Его взгляд прошелся по моей фигуре, словно стек с декольте к мысам сапог. И тут же мужские губы недовольно сжались. Так что, когда я подошла, первое, что услышала:

– Зефирка, я же просил: пособлазнительнее. А в этом только упырей совращать.

– Ты не уточнил, кого нужно очаровывать, вот я и решила, что неупокойников... – фыркнула я.

– Слушай, у тебя неужели нет никакой одежды, кроме скучной и ужасной? – скептически поинтересовался Дэккер.

Эти слова вызвали у меня стойкую аллергическую реакцию. Вот есть у кого-то дар к магии, у кого-то к готовке или вышиванию... а у одного платинового – бесить. Потому-то в раздражении я ответила:

– Дай подумать... – протянула я и нарочито постучала указательным пальцем по губе. – Да! Есть. Белье. А еще я с удовольствием носила бы и дальше годы своей яркой жизни. Правда, такой она была ровно до того момента, как ты в ней появился.

– Часть про белье мне понравилась больше, – сухо заметил псих.

– Я здесь не для того, чтобы обсуждать мой гардероб, – парировала я.

– Ты совершенно права, – вдруг согласился со мной Дэккер, и это насторожило еще больше, чем его едкие комментарии по поводу моего платья. – Пойдем к машине.

Больше не говоря ни слова, псих встал из-за стойки и первым направился к выходу.

Я посеменила за ним. Хотела бы пойти, но... Дурацкое платье. Демонова клятва! И псих, который...

– Гад же ты! – выдохнула я потрясенно, когда мы дошли до машины Дэккера.

А все оттого, что этот ненормальный, пробормотав себе под нос:

– Нет, эти шмотки никуда не годятся, уж либо так, либо ничего. Но за ничего придется отбиваться от других, так что... – резко присел передо мной на одно колено.

Я не успела поинтересоваться, что он творит, как в следующий миг на указательном пальце Дэккера вытянулся натуральный коготь.

Миг – и подола моего платья не стало.

Причем не стало по самые бедра! И ладно бы чуть выше колена. Так нет! Теперь прилично в новом наряде я могла только стоять. Если чуть попробую не то что наклониться – накрениться – будет полный разврат!

– Ты что творишь? – я все же, хоть и с запозданием, но озвучила свой вопрос. Жаль, когда уже все было сделано...

– Сапоги? – меж тем приподнял бровь в легком недоумении псих.

Я тут же попыталась пнуть этого вандала, напрочь позабыв о странном когте. Шок от того, что меня натурально раздевают посреди улицы, вытеснил удивление.

Как оказалось, обрезание платья пошло на пользу если не наряду, то мне. Махать ногами стало куда удобнее. Жаль, и псих на месте не стоял, и тем мешал целиться. Одним словом, был не просто гадом, а полным. Хоть и подтянутым, без грамма жира в мышцах. А еще вертким. Как прикажете в таком случае девушке гнев вымещать, если цель уклоняется, когда ты еще только замыслила движение?

Вот в таком шоково-пинательном состоянии я не заметила, как с меня стащили кожаную куртку и я лишилась еще и рукавов платья! Осознала это, лишь когда мужские руки схватились за ткань рядом с воротником-стойкой...

Тр-р-рак!

– Эй, это был мой любимый вырез!

– Вырез никуда не делся, – псих был сама невозмутимость, – он просто стал глубже.

Угу, настолько, что еще немного – и будет видно кружево исподнего.

Руки, которые стали теперь обнаженными, враз ощутили прохладу ночи. Почти половина, да что там, большая часть

моего платья теперь валялась на асфальте. А я... была не просто зла. В ярости!

Клешня же одного психа еще лежала на моем плече. На магию времени не было. Но кто сказал, что клыки для мести хуже?

Молниеносный бросок вышел таким же, как у охотящегося за крысой в подворотне Рохо. Мои зубы впились в мужскую руку.

Вот только псих и не думал отдернуть свою хваталку. Да что там, даже дрогнуть. Дать сдачи... Правда, о последней я не успела как следует подумать. Просто крепко зажмурилась, а тело инстинктивно сжалось, ожидая удара. Но его не последовало.

Секунда, вторая, третья.

Я осторожно приоткрыла один глаз, потом второй.

Дэккер стоял, невозмутимый. Лишь одна бровь приподнята в неподдельном удивлении.

– И дальше что?

Я медленно разжала челюсти. Враз стало как-то слегка неловко, что ли... Как-никак уже взрослая девушка, почти дипломированная магичка – и кусаться, как маленькая девочка. Нужно было все же потратить немного времени, успокоиться, не давать воли гневу, а... жахнуть заклинанием!

Дэккер меж тем убрал руку и выдохнул:

– Будем считать, что мы квиты...

Я же глянула на мужскую руку, на которой остался четкий

кровавый отпечаток моих зубов. Чужая кровь слегка погасила костер моей ненависти и примирила с новой одеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.